

ПАДЕНИЕ

АННА ГРЭМ

Annotation

Эйса Ривера не могла предположить, что цепь случайных событий развяжет настоящую войну между мексиканским наркокартелем и американским теневым бизнесом. Она и представить не могла, что одна случайная встреча обернется для неё кошмаром наяву и что случайностей не бывает.

1. Раскаленный песок

Жизнь в постоянном напряжении имеет последствия.

С месяц назад Эйса Ривера упала в обморок прямо на улице — непозволительная оплошность при её образе жизни. Свалить бы всё на знойный полдень, но у врача скорой было другое мнение на этот счёт. Недавно пережитый на ногах микроинсульт, истощение и до кучи «невротическое расстройство неопределенного характера» — так гласила запись в медкарте при выписке, которая всерьёз заставила Эйсу задуматься о конечности бытия. В свои двадцать шесть она ощущала себя старой рухлядью.

Бирюзовое море Канкуна лизало ей пятки с самого утра. Солнце пекло даже сквозь бамбуковый навес, неумолимо превращая тело в бифштекс средней прожарки, но Эйса не могла найти себе места — пятая точка зудела от бездействия.

Стайки праздных туристов из США мозолили глаза, сверкая на солнце глянцевыми досками и отбеленными зубами. Ривера смотрела на них с презрением — большинство из них не работали ни дня в своей жизни, прожигая родительские деньги на ночных кокаиновых тусовках. Размазывая по лицу тушь и сопля из-за того, что их бросил очередной красавчик, тамошние девки переживали здесь личностные кризисы, а молодожёны трахались прямо на пляже без стыда. Эйса не любила американцев за лживые улыбки и манеры в стиле «я — хозяин мира», но мексиканский наркобизнес держался именно на этих скучающих мажорах.

Ривера не понаслышке знала значение слова «пахать». Восьмой ребенок в семье, она работала с двенадцати лет — такая роскошь, как покой, была ей недоступна. Барак на юге Синалоа, где днём и ночью фасовали колумбийскую коку, служил ей домом и средством выживания. Никто не спрашивал, ела она сегодня, спала, здорова ли — только бабуля, едва передвигая ноги после изнурительной смены, целовала на ночь её пыльную макушку и рассказывала истории о Хесусе Мальверде*, тысячу раз приукрашенные. Первое, что сделала Эйса, когда поднялась в картеле — обеспечила ей спокойную старость в лучшем санатории Акапулько.

Она могла позволить себе отдых в любой точке мира, но Эйса до тянущей боли в груди любила свою нелепую, разорённую наркодилерами страну. Отпаиваться сухим мартини, отъедаться оливками и строить глазки местным загорелым мачо стало её грандиозным планом на ближайшую неделю, которому не суждено было сбыться.

Этот номер должен быть доступен круглые сутки — таково одно из правил картеля, смартфон задрезжал по деревянной столешнице в такт легкомысленной «Лоса-Лоса»** на звонке.

— Иди нахер, — процедила Ривера вместо приветствия и с нарочито скучающим видом откинулась на шезлонг. Внутри, где-то под рёбрами царапнула знакомая дрожь — волнение перед грядущим делом. Даже спустя почти десяток лет безупречной работы на картель она не сумела от него излечиться.

— Как ты, крошка? Вижу, оклемалась? — Джеронимо Силва, негласный лидер их маленькой группы, до смерти ненавидел свое традиционное имя, которое роднило его с коренными мексиканцами, вытесненными в горы и на окраины страны. Он называл себя на американский манер Джо, и всем, кто произносил его настоящее имя вслух, он без предупреждения разбивал лица. В списке его необъяснимых загонов это был далеко не

первый пункт, но за семь лет близкого знакомства Эйса научилась не замечать такие вещи.

— Нет. У меня нашли рак кожи и, я решила самоубиться на пляже, — перекатывая во рту коктейльный зонтик, Эйса следила за молодым американцем, топающим прямо к ней по раскаленному песку. В его руках блестели два замысловатых коктейля, а зубах была зажата платиновая кредитка — вроде как заняты руки. Забавная демонстрация — большинство обеспеченных туристов считали, что мексиканские девушки бедны, как церковные мыши, и от одной только эмблемы «Мастер Кард» автоматически открывают рот и раздвигают ноги. Об таких любителей экзотической красоты Эйса спотыкалась на каждом шагу.

— Смешная шутка, Франко оценит, — в деловом тоне Джо Ривера не услышала ни намёка на улыбку. — У нас работа. Я встречу тебя в Эль-Пасо на том же месте.

— Сраные Штаты, — выдохнула Эйса, когда американец тяжело бухнулся на соседний шезлонг.

— Рамона уволили. «Коридор» откроется завтра в восемь. Не проспй.

Трубка замолкла, и Эйса злобно швырнула её обратно на столик. Налаженная система дала сбой. Рамон — прикормленный картелем сержант пограничной службы — больше не поставит ей отметку в фальшивом паспорте, и кто теперь сделает это за него, ей не сообщили.

Неопределённость выбивала Эйсу из колеи. В их работе и без того слишком много рисков, и когда случалось нежданное, пусть и небольшое дерьмо, Ривера суеверно сомневалась в успехе всего дела целиком. О том, какие последствия ждут их за нечистую работу, приходилось только догадываться.

Те, кто говорит, что выбор есть всегда, либо наглые лгуны, либо теоретики, которых жизнь никогда не сворачивала в бараний рог. У молодых мексиканцев в Синалоа возможность выбора была призрачна — едва сводить концы с концами, работая за честную зарплату в жалкие двести баксов, сбежать в Штаты, потерять по дороге паспорт и молиться Санта-Муэрте, чтобы не выслали назад или работать на картель. Боссы не стеснялись развешивать по углам листовки с обещаниями красивой жизни, но будет ли она долгой, гарантировать они не могли. За время работы на картель Эйса потеряла всех братьев.

— Прекрасная леди сегодня свободна?

Мужик не стал размениваться на лишний трёп и прелюдии — он просто решил её снять. Эйса могла бы заставить его жрать песок, а после забрать себе его кредитку, наличку, часы и обнести его номер подчистую, но ей было не до того. Пусть поблагодарит своего Иисуса за необычайное везение.

— Отвали, — Ривера выплюнула зонтик и удалилась с пляжа, изредка переходя на бег. Солнце раскалило песок, словно сковороду в аду.

Примечания:

Хесус Мальверде*. Его называют «щедрый бандит», «ангел покровитель бедных» и «нарко-святой», герой фольклора в мексиканском штате Синалоа.

«Лоса-Юса»** — песня колумбийской певицы Шакиры.

2. Жара в Эль-Пасо

— Жарко, как у чёрта в заднице, — Джо хлебал ледяное пиво прямо из горла, под потолком без толку молотил вентилятор, разгоняя прогорклый запах кухни и утренний смог, который лез в распахнутые окна с улицы. — Когда ты починишь кондиционер, мать твою за ногу? — Джо махнул рукой хозяину паба, тот лишь пожал плечами, мол, денег нет. — Я буду вонять, как куча дерьма, даже до Вегаса не доехав!

— Что в Вегасе? — Эйса меланхолично обмахивалась картонкой меню, усилием воли заставляя веки не слипаться. Она вылетела из Канкуна до Сьюдад-Хуарес местными авиалиниями в тот же вечер, и после почти шести часов простоя на границе в километровой очереди. Уснуть не удалось.

— Франко закусился с местным гринго и понёс нехилые убытки. Убытки будут завтра в отеле «Таити» в виде двадцати пяти лямов наличными. Там будет частная тусовка.

Джо щёлкнул языком и глотнул пива, пена поползла по подбородку. Странно, что Эйса не замечала раньше, насколько омерзительны его повадки. Дёрганый, как обезьяна, непрошибаемый тупица и хамло — где были её глаза, когда она заводила с ним интрижку? Наверное, в свои далёкие пятнадцать Эйса была непроходимой душой.

— Это территория Обрегона, зачем Франко туда сунулся?

Их картель контролировал мексиканский «Золотой путь» от Соноры до Мичоакана и несколько южных штатов по ту сторону мексиканского залива от Майами до Южной Каролины. Рынок же западного побережья принадлежал Хосе Обрегону, их давнему конкуренту.

— Франко сказал, об Обрегоне не беспокоиться.

— Что это значит?

— Он мне, знаешь ли, не отчитывается.

Эйса к внутренним делам допуска не имела, влиять на решения босса не могла, да и видела его раза два от силы, но отсутствие логики в этом процессе она чуяла нюхом. Франко руководил картелем из неприступного замка в горах, окруженного рвами с водой, где плавали аллигаторы. Его снайперы день и ночь пасли округу в радиусе трех километров, а вся грязная работа как всегда ложилась на плечи рядовых участников, которых не жаль пустить на мясо. Сейчас, как и в двенадцать, Ривере очень хотелось жить.

— Слушай, там просто так пушками помахать не выйдет. Это ебучий Вегас, не Синалоа, и даже не Бронкс, у нас там нет никого в случае чего, — прошипела Ривера, машинально прикрывая рот ламинированной бумажкой, сплошь в жирных следах пальцев. Их не подслушивали — хозяину заведения щедро платили, чтобы он оставался слепым и глухим, при этом всячески способствуя делам картеля Франко по эту сторону границы.

— Никаких в случае чего! — Джо замахал руками, — Крошка, не заморачивайся, я всё продумал. Ты зайдёшь туда, осмотришься, а мы с Шоки заберём своё, когда они будут грузиться в тачку. Всё, как всегда, только по-тихому.

Третий сидел по левую руку от Эйсы и увлечённо резался в очередную игрушку на планшете. С тех пор, когда Эйса видела его в последний раз, его лохматые кудри отросли до плеч и теперь были собраны в хвост, а густая бородаща закрывала пол-лица. Он молчал и казался абсолютно безучастным, но Ривера знала — Шоки воспроизведет разговор с точностью до слова.

У Фернандо Гонсалеса по прозвищу Шокер были феноменальные мозги. Одной рукой он мог вести машину, а другой взламывать протоколы безопасности какого-нибудь неслабого сайта. Он запоминал серийные номера, даты, лица и мог набросать портрет шариковой ручкой за пару минут. Ему пророчили большое будущее, но страсть к видеоиграм и срывы на фоне неизбежного перегрева мозгов не позволили ему поступить в университет. Зато картель принял его с распростёртыми объятиями.

Откуда взялась его кличка, толком никто и не помнил. Возможно, из-за его любви к гаджетам, возможно из-за его предпочтений в орудиях пыток — во время панических атак Шокер предпочитал наказывать врагов картеля с помощью электричества. Такой уж разносторонней личностью он был.

— Как я попаду туда? Опять в грузовике с блядьми?!

Огромные фуры с кузовом из бронированного стекла часто паслись на парковках частных отелей, иной раз безо всяких ограничений колесили по улицам курортной зоны США и Мексики, привлекая новых клиентов на рынок местных шлюх. Внутри такой машины извивался на шестах местный «Мулен Руж» — профессиональные танцовщицы-проститутки. Их заказывали, свободно пропускали и не досматривали — Эйсе однажды пришлось влезть в такой транспорт, чтобы стащить у одного из конкурентов босса карту памяти. Она едва унесла оттуда ноги.

— Ну, там ты будешь уместнее смотреться в платье, чем в трусах. Хотя в трусах ты мне нравишься больше, — Джо улыбнулся сально и с долей превосходства, будто, несмотря на то, что они давно разбежались, он всё ещё имел на неё исключительные мужские права. Эйса лишь закатила глаза.

— И вообще у нас там свои люди есть, как выяснилось.

— Кто?

— Увидишь, — Силва загадочно дёрнул бровями, и Эйса встала из-за стола, не желая больше терять времени на болтовню.

Когда они погрузились в машину, Шокер сел за руль.

— Где Чако? — Эйса всколыхнулась, перегнулась между передними сиденьями, пытаясь заглянуть Джо в глаза. Их команда была неполной. Чако Рамос — молодой, шустрый парнишка, опытный водитель и автомеханик, был едва ли не талисманом их звена, и его не было на своём месте.

— Сказал, едет, — Эйса перехватила в зеркале заднего вида его озадаченный взгляд.

— И давно он это сказал?

— Вчера...

— Мы не должны работать без Чакито, — пусть её сомнения считают за дремучую суеверность, Эйса боялась ехать на дело неполным составом.

Чако давно должен был быть здесь. Навязчивое ощущение, что всё к чертям валится из рук, преследовало её со вчерашнего дня. Ривера привыкла доверять себе, но спорить с Силва было равно, что переть лбом на товарный состав.

— И что ты скажешь боссу? Что мы потеряли водилу и зассали?! Франко нас на ремни порежет!

— Мне это не нравится, Джо, — Эйса настаивала, несмотря на то, что это было бесполезно.

— Прорвёмся, не дрейфь. Шоки отлично водит, — Силва просунул между сиденьями руку и похлопал её по голой коленке, торчащей из рваных дизайнерских джинс.

— Я отлично вожу, крошка, ты чего?! — Гонсалес резво дал по газам и лихо вырулил на шоссе. Озарив Эйсу своей фирменной глуповатой улыбкой, он едва себе шею не свернул. Ривера покачала головой — лучше бы он внимательнее следил за дорогой.

— Да идите вы, — беззлобно ответила Эйса, откидываясь на спинку сиденья. Они будто не работать собирались, а в кабаке сидеть.

На Эль-Пасо Мексика не заканчивалась, однако сейчас вид праздных соотечественников сводил её с ума. Она смотрела сквозь затемненное стекло на улицы, облитые оранжевым солнечным светом, с досадой размышляя о том, что выбора у неё как не было, так и нет.

В маленьком зеркальце косметички она видела синюшные тени под глазами и ярко-красную сеть лопнувших сосудов. Эйса устала так, что от собственного отражения начинало тошнить, а расшатанное вхлам здоровье было тому доказательством. Картель не предоставлял соцпакет и отпуск дважды в год, зато её счёт исправно пополнялся, создавая иллюзию свободы. Ривера не умела врать себе — в простой обывательской жизни ей было бы тесно, но в картеле она билась головой о потолок по имени Джо Силва. Дело провалить нельзя — обойти Джо и забраться повыше можно только при лучшем его исходе.

3. Отель "Таити"

— Ты на себя рыбью чешую решила натянуть? — Джо придирчиво осмотрел Риверу с ног до головы.

— Это Валентино, идиот.

Эйса шутку не оценила. На ней было чёрное коктейльное платье, расшитое пайетками. Оно было баснословно дорогим — таким деревенщинам, как Джо, этого не понять, зато публика «Таити» умеет определить ценник вещи с полу-взгляда, и Эйса не собиралась выделяться из толпы.

Ривера рассматривала фасад здания из окна машины, нервно поглаживая участок кожи чуть выше запястья, там, где был выбит тонкий чёрный крест — знак принадлежности к картелю Франко. Место напоминало оазис среди мегаполиса — пальмы, подсвеченные гирляндой уличных фонарей, бамбуковые навесы над богато накрытыми столами, зеркальные глади бассейнов, разбросанные по обширной территории отеля. Эйса играючи сливалась с подобной средой, хотя еще лет десять назад закупалась на распродажах и ужинала несвежим тако в родной синалойской деревеньке. Уметь приспособиться, значит суметь выжить — Ривера понимала это, как никто другой, поэтому продержалась на плаву гораздо дольше своих братьев.

— Чего ждём? — Эйса не любила ждать, отсрочки и заминки заставляли её нервничать и терять настрой.

— Сейчас, — Джо махнул рукой в её сторону. — Вон она. Идёт.

Из-за угла здания показалась крупная женщина с тележкой. Неосвященный участок территории не позволял разглядеть её лицо — волосы были забраны в гладкий хвост, а светло-голубая униформа горничной едва сходилась на огромной груди. Она неспешно прошла мимо машины, и после, выйдя из-под прицела камер, резко свернула к ним. Джо распахнул заднюю дверь, и женщина грузно плюхнулась на сиденье рядом с Эйсой.

Ривере пришлось потесниться — габаритная горничная едва не выдавила её наружу. От неё исходил запах дешевых приторных духов и кухни, и Эйса торопливо раскрыла окна — не хватало еще провонять этим дивным букетом, тем самым уничтожив своё прикрытие.

— Эйсита! Сестрёлка, как ты?!

Эйса вздрогнула и повернула голову в сторону незнакомки. В её смазанных, грубых чертах она узнала Лупе, свою старшую сестру.

Ривера едва её помнила, ей было восемь, когда Лупе сбежала в Штаты в мешке из-под кукурузы, и, судя по всему, сумела здесь обжиться — в своих редких письмах домой она писала, что нашла честную работу и вышла замуж за американца. В ней теперь было больше центнера веса, а на лице чернели густые усы — Лупе постарела, подурнела и стала безумно похожа на мать.

— Какая красотка ты стала! Какая худенькая! — непроизносимая смесь испанского с английским валилась из её рта вместе с дурным запахом, вынуждая Риверу дышать в сторону.

— Лупита, — Эйса сдержанно улыбнулась и на медвежьих объятия сестры ответила скудным похлопыванием по спине — теперь придётся вылить на себя полфлакона терпких Герлен, чтобы отбить этот запах нищеты. Ривера не испытывала радости от встречи, ей было всё равно — прошло слишком много лет, чтобы родственные чувства вдруг всколыхнулись. В

восторженных причитаниях Лупе искренности было не больше. Сестра явно помогала им не за спасибо, рискуя своей честной работой — внушительная пачка наличности оттопыривала ей задний карман.

— Вот это наш информатор. Как интересно вышло, да? — Джо смотрел на них с видом вершителя судеб, словно Эйса ему теперь по гроб жизни обязана за тёплую семейную встречу.

— Да, очень интересно, — равнодушно согласилась Ривера, заглатывая свежего ночного воздуха из раскрытого настежь окна.

— Вот, — Лупе вручила им два костюма уборщиков и следом обратилась к сестре, — а ты давай туда, — она указала на контейнер для грязного белья, который приволокла с собой. На счастье Эйсы, он был пустым.

Ривере хватило нескольких минут в кабинке туалета, чтобы привести себя обратно в божеский вид. По дороге к главной площадке она захватила бокал шампанского с подноса услужливого официанта в смокинге — ей нужно было ненавязчиво осмотреться и проследить за нужными людьми. Её работа была доведена до автоматизма — толстый кожаный кейс она засекла в руках у секьюрити, который пересекал территорию отеля по направлению к выходу. Дело было за Джо — он и Шокер изображали бурную деятельность на выезде с парковки. Шокер вырубит всю технику, по которой машину охраны могут отследить, Джо вырубит саму охрану, Эйсе не придётся даже брать в руки пистолет. Всё просто, как дважды два. Даже слишком.

Когда трубка лежала мёртвым грузом в её ладони уже полчаса, Ривера начала нервничать. Суеты в зале не было, охрана не подорвалась на помощь своим, обстановка, за которой Эйса осталась следить, не изменилась. В чём причина заминки, она могла только гадать.

Телефон заскрежетал по барной стойке, когда Ривера мусолила второй бокал мартини. Она нервно заколотила ногтями по экрану, торопясь ответить.

— Пленка! Плёнка-антистресс, сука! Знаешь, такая, которую лопать можно? — Шокер кричал и заливался нездоровым смехом. Эйса напряглась — в его голосе были слышны нотки подступающей истерики. — Чпок-плёнка, ёпта! Нас поймали, крошка.

— Заткнись, Шоки, дай телефон, — на периферии послышался голос Джо вперемешку с шорохом и вознёй. — Эйса, нас ждали. Денег здесь нет. Чемодан набит упаковочной плёнкой. Не паникуй. Тебя не видели, тебя не знают. Помаячь там пару минут и сваливай. Я свяжусь с тобой.

Она выслушала отрывистый приказ Силвы и отняла телефон от уха не сразу. К горлу подступила тошнота, а тёплый ночной воздух заохлодил открытые плечи и ноги. Внутри словно сжалась пружина, не дававшая ей сделать вдох. Эйса осмотрелась — в её сторону никто не шёл, суеты не было, она улыбнулась бармену и попросила повторить.

— Привет. Как тебе шоу? — она не заметила, как к ней за стойку подсели. Молодой мужчина кивнул на сцену, где грохала музыка и взлетали голые ноги бурлеск-танцовщиц. Ривера ничего не видела, шоу её не волновало.

— Скучно. Я собираюсь уезжать, — она вынула из сумочки мятую купюру и хлопнула ладонью по столу.

— Моя смена закончилась. Могу подвезти.

Ривера взглянула на него внимательнее. У него было добродушное, простоватое, но не лишённое обаяния лицо, прямой, открытый взгляд, развязанная бабочка небрежно обнимала

шею, а смокинг сидел на нём более, чем неплохо. Официант или администратор. Скорее официант.

— Это не обязательно, но спасибо, — она сошла с барного стула, поправляя задравшийся подол платья, изобразила на лице безразличие и скуку в надежде, что парень окажется понятливым и отвалит от неё.

— Как тебя зовут?

Официант оказался и непонятливым, и весьма настойчивым, Эйса воздела очи к небу и вздохнула. Он тормозил её, он заставлял её терять драгоценные секунды и терять самообладание. Ривера не хотела привлекать внимание охраны разборками у барной стойки, потому натянуто улыбнулась и соврала:

— Натали.

— Ты не похожа на Натали, — широкий разворот его плеч перекрыл ей обзор, она тщетно пыталась заглянуть ему за одно плечо, потом за другое, но неизбежно натыкалась на его заинтересованный взгляд.

— Да ну?! И на кого я похожа?

Он не ответил ей, лишь улыбнулся мягко и обезоруживающе, чуть опустив глаза. Обаятельный. При иных обстоятельствах Ривера была бы совсем не против такой компании, но колотящееся от напряжения сердце уже подступало к горлу, грозясь выпрыгнуть вместе с тремя порциями сухого мартини. Валить нужно было немедленно.

Когда Эйса заметила вдалеке двоих мужчин, рыщущих взглядами поверх голов толпы, инстинкты сработали на опережение. Она схватила его за шею, вынуждая нагнуться к себе, поцеловала и шепнула ему в ворот расстёгнутой на две пуговицы сорочки:

— Отвези меня куда-нибудь.

Парня не пришлось долго упрашивать, он взял её за руку и повёл к выходу. На милующуюся парочку охрана отеля не обратила никакого внимания.

4. До встречи

Эйса повернула колёсико стерео-системы на полную, чтобы заглушить неловкое молчание в салоне авто. Её везли в дешёвую гостиницу в черте жилого массива — место не в пример шикарному «Таити», но идеальное, чтобы залечь на дно. Её не станут искать в такой дыре, во всяком случае, не сразу, а что будет с бедолагой-официантом, её не касается. Ей было плевать на него. Возвращаться в квартиру, которую снял для них Джо, нельзя. У неё не было ни вещей, ни достаточно денег, ни плана — всё, как и всегда, упиралось в Силву, который подвёл всю команду под монастырь. Эйса понятия не имела, что делать, если он не свяжется с ней.

Джо всегда был слишком самоуверен. У него не хватало мозгов для места, которое он занимал в картеле — его спасал лишь подвешенный язык, близость к боссу и умение этому боссу подлизать зад. Франко не любил терять деньги, Франко не любил проблемы, и людей, которые ему эти проблемы доставляли, он не любил тоже, и сейчас проблема размером в двадцать пять миллионов долларов давила на неё, словно могильная плита.

Эйса злилась. Она скользила невидящим взглядом по ночным улицам Вегаса, закусывала кончик ногтя и сжимала до скрипа зубы, подавляя желание громко выматериться. Несмотря на позднюю ночь, улицы были полны народу, крики и смех бились эхом по жестяному кузову машины, а зазывные вывески казино и ночных баров резали по усталым глазам. Две пьяные леди в коротких, задравшихся до трусов платьях, хохоча, едва не свалились с поребрика под колёса проезжающего рядом кабриолета. Эйса с удовольствием толкнула бы их в спину.

— Всё хорошо? — парень убавил звук и внимательно посмотрел на неё. В его тёплой улыбке и лёгком прикосновении к её ладони ощущалась искренняя забота и участие.

Нервы были взвинчены до предела, тело застыло в напряжении от горла до самых щиколоток, её раздражали даже несчастные блёстки на платье — Ривера едва сдерживалась, чтобы не оторвать их одну за другой. Ей хотелось кому-нибудь врезать, раскурить косяк или заняться сексом, и третий вариант казался вероятнее всех прочих.

— Да, всё прекрасно, — она озарила его лучезарной улыбкой, поправляя как бы невзначай слетевшую с плеча лямку платья. Пусть думает, что не нервозность её терзает, а нетерпение. Простой и честный, он не строил из себя мастера пик-апа и намерения свои не скрывал, и это отчасти добавляло ему очков, а вынужденное бездействие в подвешенном состоянии требовало немедленно переключиться. Ничего иного Эйсе в голову не приходило.

Официант не стал включать в номере свет, скорее всего, постеснялся убогой обстановки. Полоски опущенных жалюзи пропускали алый, пульсирующий неон от вывески соседнего бара; там не хватало одной буквы — это всё, что Ривера успела заметить, пока процесс не захватил её с головой. Он чудесно целовался, его чуткие руки бережно нашли и раскрыли молнию её дорогущего платья, изумительным шёпотом он рассыпался в извинениях за колючий подбородок. Официант был восхитительно мил — если у неё и оставались сомнения насчёт сегодняшнего вечера, то они отпали окончательно.

Ей позволили вести — Эйса толкнула его на скрипучую софу с деревянными подлокотниками, об один из которых она неловко ударилась лодыжкой. Эйса выругалась, нечаянно перейдя на испанский.

— Будет синяк. Я принесу лёд, — парень сделал попытку высвободиться, но она не дала

ему встать.

— К чёрту лёд.

Проблемы и мысли, которые не давали ей дышать, отошли на второй план, Эйса прижималась к ширинке его брюк, торопливо расстегивая пуговицы на рубашке. Нетерпение стало подлинным — у неё дрожали руки, так что хотелось рвануть этот несчастный кусок ткани на себя и не мучиться.

— Натали, — она вздрогнула, услышав чужое имя, но не подала вида, — В левом кармане.

Эйса не заметила, как добралась до пряжки ремня — тело действовало отдельно от мозгов. Она вынула из кармана презерватив и, отстранив его помощь, раскатала его по стволу давно напряженного члена. Под шёлковым боди, которое она надела под платье, кипела кожа — она не стала тратить время на борьбу с тысячей застёжек, просто сдвинув край трусиков.

Быстрые связи удобны. Ни обязательств, ни бытовухи, ни осточертевших сцен ревности, которые ей ежедневно закатывал Джо во времена их бурных отношений. Наверное, только с Джо она встречалась так непозволительно долго — почти шесть лет. Его не смутило то, что она была несовершеннолетней, её — то, что любовниц он менял, как тачки по гарантии, раз в три месяца и чаще.

Она была влюблённой душой, он — обаятельным пройдохой, который профессионально владел языком во всех возможных смыслах. Ривера поставила точку в их отношениях, когда Джо не явился на похороны её старшего брата Энрике, выбрав тусовку с толпой шлюх в одном из клубов Франко. Эйсе было больно, но ей удалось взять себя в руки и начать разрывать связь по кусочку в день, чтобы не навредить работе — из звена она выходить не собиралась. Со временем она вышла на дружбу с привилегиями, а позже и привилегии свела на нет, отныне распоряжаясь своей жизнью и телом так, как ей хочется и без тени сожаления.

Полностью отдавшись ощущениям, Эйса двигалась в прерывистом ритме — официант осаживал её, чтобы не кончить раньше времени. Они поменялись местами — её обрушили спиной на узкую, скрипучую софу и прижали к неудобному, жёсткому каркасу центнером веса. Ривера ощутила лёгкие, с ума сводящие поцелуи на ударенной лодыжке, будто извинения за нечаянную боль, почувствовала прикосновения языка на внутренней стороне бёдер и выше, пока грохот пульса в ушах не стал оглушительным. Эйса вздрагивала, словно под ударами тока, не сдерживая крик — еёхватило ненадолго, и когда он снова вошёл в неё, она уже не чувствовала ног от бешеной волны оргазма, накрывшего её тело в одно мгновение.

Мир снова обрёл звуки. Гул в голове затих, вязкая тишина комнаты разбавлялась прерывистым дыханием, голосами с улицы и музыкой из окон проезжающих мимо машин. Ривера всё ещё пребывала в трансе, бездумно водя ладонями по его спине. Она наткнулась на грубый рубец и проследила его от лопатки до груди, другой она обнаружила на предплечье, а на груди — круглый шрам, похожий на давнишнее пулевое ранение. Где простой официант мог получить такие украшения?

Он почувствовал её интерес и замер. В темноте она не могла увидеть выражение его глаз, но ей казалось, что он ждёт от неё вопросов. Эйса молчала — её это не касалось совершенно. Официант небрежно чмокнул её в губы и отстранился.

— Натали, ты просто нечто, — он подобрал с пола рубашку и накинул её на плечи, не

застёгивая, после чего отошёл к окну и отогнул полоску жалюзи, осматривая улицу. В тусклом свете улицы Эйса успела заметить у него на спине узорную каллиграфию татуировки — кажется «Semper Fidelis».

Приведя себя в порядок, Ривера взглянула на него. Он был высок, хорошо сложен и немногословен в то время, как большинство её любовников предпочитали трещать без остановки всё, что взбредёт в голову — от пошлостей до тупостей. За это она была ему безмерно благодарна.

Она взяла в руки телефон, голубоватый свет экрана нарушил тихий сумрак номера. Ни пропущенных, ни смс.

— У тебя есть курить? — Эйса нарушила тишину первой.

— Ты куришь? — он посмотрел на неё. Лента алого, мерцающего света разрешила его лицо пополам, придавая его светлым глазам необъяснимого хищного блеска.

— В исключительных случаях, — Ривера улыбнулась в ответ, зная, что этот недвусмысленный намёк польстит ему, и не ошиблась. Он опустил голову, пряча довольную ухмылку, словно она застесняла его.

— Спущусь к администратору.

Когда парень покинул номер, Эйса вышла на балкон. Организм был благодарен ей. Разум очистился от лишней шелухи, она стала мыслить трезво. На часах было два-двадцать. Телефон продолжал молчать.

Тихий писк смс прозвучал, как раскат грома — Эйса едва не выронила аппарат с балкона прямо на влажный после дождя асфальт. В сообщении от Джо был лишь адрес и приписка «Сейчас». Эйса заметалась по номеру в поисках одежды.

Официант вернулся, когда она в спешке натягивала на ногу туфлю, прислонившись к спинке софы.

— Уже? — в его руках блестела пачка сигарет и пачка презервативов, а в голосе слышалось удивление.

— Ага, — закончив воевать с туфлей, Эйса просеменила мимо с невинной улыбкой, и, поравнявшись с ним, чмокнула его в щёку на прощание.

— Даже телефончик не черкнешь?

Он был чертовски хорош в этой своей рубашке с закатанными по локоть рукавами. Какая-то необъяснимая, небрежная грация скрывалась за его движениями, на его губах играла лёгкая ироничная ухмылка, словно он прочитал категоричное «нет» в её глазах, прежде чем Ривера произнесла это слово вслух. Возможно, он ей даже понравился, возможно, Эйса осталась бы и на второй, и на третий заход, если бы не чёртово небо, которое готовилось упасть на голову ей и её ребятам.

— Я не встречаюсь с американцами.

— Я родился на Джерси. Англия. Это меня оправдает? — Официант не терял надежды, его настойчивость льстила, Эйса ненадолго задержалась в дверях, словно раздумывала.

— Adíós, Джерси.

Не в этой жизни. Милый парень, на кой чёрт ему уголовница со стажем? Эйса без сожаления закрыла за собой дверь. Загадочному «До встречи», брошенному ей в спину, Ривера не придала значения.

5. Статус-кво

Она поймала такси на дороге и почти час добиралась до места, потратив едва ли всю наличность, которая оставалась у неё с собой. Условленное место сбора располагалось в обветшалой пятиэтажке из красного кирпича. Свет горел лишь в двух окнах, фонари были разбиты, колотую брусчатку освещал только свет полной луны — пока Эйса добиралась до подъезда, она едва не осталась без каблуков.

— Что за хрень происходит, Джо?! — она ворвалась в захламлённый лофт, как буря. — Что за сраная подстава?!

Джо молча теребил золотой крест, висящий у него на шее, Шокер щёлкал на планшете головоломки и находился в прострации — он не смотрел на экран, а куда-то внутрь себя. Ривера краем глаза обнаружила сумку со своими вещами, которую Силва предусмотрительно забрал с их прошлой вписки.

В комнате висела тягучая тишина. Обычно, если что-то шло не так, эмоции в команде хлестали через край — выпустив пар, ребята снова могли соображать трезво и в итоге всегда находили решение проблемы. Крики и ругань при таком дерьмовом положении дел должны были быть слышны на всю улицу, но сейчас эта непривычная глухота давила на уши, словно при высоких перегрузках. Эйса застыла на пороге. Она не знала, как реагировать.

— Телефон дай.

Шокер отмер, поднял на неё глаза и протянул ей раскрытую ладонь. Эйса молча вложила мобильник ему в руку. Не говоря ни слова, Гонсалес сунул аппарат в микроволновую печь и крутанул рычажок на полную мощность. Пластмасса расплавилась и вскипела, щелчок, искры и запах дыма констатировали смерть и телефона, и печи.

— Открой холодильник, — в ответ на её вопросительный взгляд Джо кивнул на белую рухлядь, стоящую в углу кухни.

— Ты издеваешься?!

Ривере хотелось орать и грохать каблуками по паркету, разбивая доски до самого цемента. Перед ней разворачивался какой-то долбаный сюрр, театр вовлеченного зрителя, куда её приволокли силком и поставили прямо под софитами. Эйса не узнавала своих ребят, а в груди шевелилось нехорошее предчувствие.

— Открой, — голос Джо был твёрд и холоден, Эйса злым, размашистым шагом пересекла помещение и остановилась у ржавой дверцы холодильника.

Изоляцию проело время, створка держалась на честном слове, и прежде, чем дёрнуть облезлую ручку, Ривера посмотрела вниз. Густая, бордовая жижа ползла прямо к носкам её туфель — казалось, кто-то разбил банку с джемом, и теперь он по капле вытекал наружу. Весь её пыл улетучился, и она, как в тумане, осторожно открыла дверь.

На стеклянной, укрытой полиэтиленом полке лежала человеческая голова. В избитых, распухших чертах, в прядях волос, слипшихся от крови, в бриллиантовой сережке, вдетой в порванное ухо, Эйса узнала Чакито — их пропавшего водителя. Она вдруг вспомнила, что на следующей неделе ему должно было исполниться двадцать лет.

— Это для Франко. Нашёл в коробке возле тачки.

Эйса почувствовала, что левая рука её не слушается. Ей становилось плохо. Она повидала многое, но смотреть на мёртвую, отделённую от тела голову того, кого она знала ещё мальчишкой, было выше её сил.

Ривера вернулась в реальность, когда терпкий вкус виски обжѐг слизистую пищевода. Она обнаружила себя стоящей у занавешенного окна, в джинсах и теплом кардигане, наглухо застѐгнутом. Эйса не помнила, когда успела переодеться. Еѐ знобило. Ладонь холодила стакан, наполненный доверху шариками льда, колени не гнулись — она не могла даже сесть.

— Гринго думает, что деньги увезли мы, но это сделали до нас. Это подстава, крошка, ты права. Мы встряли.

Шокер дремал лицом вниз на узкой, как лодка, кровати, спрятанной за ширмой. На обеденном столе тускло светил ночник на керамической ножке, у засиженной мухами лампочки била крыльями белая моль. Эйса отмечала детали обстановки на автомате — мозг требовал отвлечения.

— Это мог быть Обрегон?

— Я говорил с боссом. Это не Обрегон, — Джо шептал, чтобы не разбудить бедолагу Гонсалеса. Они с Чако были очень дружны. — В общем, того гринго, с которым босс сцепился, называют Человек. Никто не знает его лично — гринго хорошо шифруется. Босс думает, что он какая-то шишка в Конгрессе или крупный коммерс, в общем, хер знает. Его интересы представляет вот этот урод, — Силва развернул экран смартфона лицом к Ривере. — Оливер Данэм, его сраный пѐс. Он бывший морпех, уволенный из армии пять лет назад. Это, — он мотнул головой в сторону злосчастливого холодильника, — его рук дело. Человек связался с боссом и обещал всех нас пустить на фарш по очереди, если мы не вернём его бабки.

Эйса взглянула на фото, и земля ушла у неё из-под ног. В скане личного дела морского пехотинца, в карточке, наклеенной в левом верхнем углу она узнала официанта, с которым провела ночь. Она не ошиблась. На фотографии он выглядел совсем юным, но прямой, открытый, располагающий к доверию взгляд нельзя было спутать ни с каким другим. Еѐ передёрнуло. Мясник под маской обаятельного простачка, который накануне своими руками разделявал Чакиито, как свиную тушу. Она и подумать не могла.

— Крошка? — Джо тронул её за руку, Эйса перевела на него взгляд, полный ужаса.

— Я спала с ним, — произнесла она одними губами и прикрыла ладонью рот, словно испугалась того, что сказала.

— Чего? — Силва опасно притих, напрягся, готовый подскочить с места, как распрямившаяся пружина, если ответ ему не понравится.

— Я ушла с ним из «Таити», — Ривера поняла, что даже не спросила его имени. — Он не представился. А я и не спрашивала.

Вид психующего Джо всегда повергал Эйсу в уныние. Она прикрыла глаза и терпеливо наблюдала из-под опущенных ресниц, как Силва заходил из угла в угол, натываясь в сумерках на углы и мебель. Он гремел и сыпал проклятиями, словно эта новость выдрала его за шкуру из анабиоза, в котором Эйса застала его после гибели Чако.

— Напомни-ка, крошка, почему я тебя бросил? — он деланно хлопнул себя по лбу и следом ответил сам себе. — Ах да, потому что ты тупая шалава! — Джо сорвал с шеи и бросил в неё золотой крест величиной с половину ладони взрослого мужчины, который Ривера подарила ему на тридцатилетие. Тогда они ещё были вместе.

Это не то, что Эйса хотела сейчас слышать. Еѐ и без того поганое состояние Джо лишь усугублял, и весь его эмоциональный всплеск выглядел сейчас неуместным фарсом.

— Это я тебя бросила, не путай. А если до тебя дошло только через год, то это не мои проблемы, Дже-ро-ни-мо, — она выплюнула это имя ему в лицо по слогам, словно

оскорбление.

Силва крепко схватил её за плечи, бросил на диван и замахнулся, готовясь надавать ей по лицу. Стакан выскользнул у неё из рук и разбился на несколько крупных кусков, по паркету с тихим шорохом покатались шарики льда. Эйса не чувствовала боли от грубых тисков его пальцев, она собиралась дать отпор.

Разбуженный Шокер схватил Джо поперёк груди и отбросил его в дальний угол комнаты, словно это не стоило ему никаких усилий. Эйса увидела в его глазах отблески знакомого безумия.

— Эйса, захлопни пасть! Ты, — он ткнул пальцем в сторону Силвы, подпиравшего спиной стену, — руки от неё убрал Пресвятая Мария, Чако убили. О чём вы думаете вообще?!

Его слова подействовали на обоих, как пощечина. Желание размазать Джо по паркету тонким слоем улетучилось, Эйса чувствовала стыд, страх, досаду и злость, они сменяли друг друга, будто картинки в калейдоскопе. Она села на диван ровно, обняла себя за плечи и уставилась в пол. Вязкая тишина снова заполнила квартиру.

— И ещё, — Джо поднялся на ноги, — Франко сказал, что не будет вытаскивать нас из этого дерьма. Либо мы исправляем свои косяки сами, либо...

— Либо этот долбаный Хитмен* убьёт нас по одному. Всё ясно.

Эйса закончила фразу и поймала его согласный взгляд.

— Теперь мы сами по себе, да? Чудно! — Шокер смёл со стола связку ключей и телефон. Он вышел из квартиры, с глухим хрустом раздавив по дороге две подтаявшие льдинки.

— Джо, его нельзя отпускать в таком состоянии, — Ривера взметнулась с дивана. — Тем более сейчас!

Срыв, во время которого Гонсалес становился неадекватным, был неизбежен. Никто и представить не мог, что происходит в этом уникальном мозгу, какие процессы управляли его эмоциональными реакциями и как этих состояний избежать. Гениальный невротик, одарённый психопат и уникал — Гонсалес ни разу не подводил звено во время работы, но после отходил мучительно и порой долго, словно его мозг наказывал его за беззаконие.

— Нормально, вернётся. Остынет, морду кому-нибудь разобьёт и вернётся. Не в первый раз, — Силва жестом приказал ей сесть. Эйса чувствовала, что усидеть на месте она не может.

— Я должна предупредить Лупе, — помимо всего прочего, ей не давали покоя мысли о сестре, несмотря на то, что они с Лупитой были чужими людьми друг другу. В Синалоа ценность семьи — той, в которой она родилась и той, в которую она перешла, став членом картеля — никогда не оспаривалась.

— Мы должны решить, что нам делать! — в голосе Джо слышалось отчаяние, но Эйсе было тошно находиться с ним на одном замкнутом пространстве. По крайней мере, в эту секунду.

— Ты же у нас главный, думай! — она захлопнула дверь и сбежала вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Ривера не могла выбросить из головы эту проклятую фотографию. Её жестоко провели, а она была слишком самоуверенна, будто подхватила эту заразу от Джо. Эйса ненавидела себя за тупость, глухоту и невнимательность к деталям. Он не был официантом — статус его был неизмеримо выше.

Официанты не водят серебристые седаны представительского класса, у них нет пулевых ранений и шрамов от ножевых, они не ведут себя так, будто им известно больше, чем им позволено знать. И эта чёртова ухмылка, которая так некстати была его бесхитроственному лицу — Данэм словно глумился на ней. Она не понимала одного — какого чёрта он отпустил её живой?

*герой серии игр об убийце с порядковы

6. Одиночка

В окнах квартиры Лупе горел свет. До начала смены в отеле оставался час, сестра ещё была дома, и Эйса выдохнула с облегчением, что застала её.

Она громко постучала. Ей открыли не сразу — за дверью Ривера слышала шёпот и бряканье заслонки дверного глазка. Ривера увидела сестру в узкую щель лишь после третьего удара ногой по фанерному полотну. Лупе не стала снимать цепочки.

— Чего тебе?

— У нас проблемы. Тебе нужно уехать. У тебя могут быть неприятности, — Эйса перешла сразу к делу, попутно осматривая комнату в краешке отражении зеркала прихожей. Лупита была не одна.

— О, у меня уже неприятности, сестрёнка. Джо звонил. Велел тебе кончать выёбываться и топтать назад.

Эйса не могла прочесть выражение её лица. Странное злорадство напополам с презрением — если бы не дверная цепочка, Лупе наверняка спустила бы её с лестницы. На краешке кровати угадывалась груда вещей. Одежда, обувь, ворох документов и одиночных купюр — Лупита и её предполагаемый муж, которого Эйса ни разу не видела в глаза, собирались в спешке.

— Шла бы ты отсюда, Эйсита, — зло выплюнула напоследок Лупе и захлопнула дверь.

Ривера вышла на улицу с поганым ощущением недосказанности. Лупита словно пыталась обвинить её в том, что ей приходится срываться с насиженного места и терять работу, Эйса же винила обстоятельства. Никто не мог всё просчитать наперёд, в конце концов, решение заработать лёгких денег Лупе приняла самостоятельно, Эйса тут совершенно не причём.

Бессовестная. Отчего-то вспомнилось. Мать часто называла её так, но Ривера не считала это за порок. Всё относительно. Мир несовершенен, и глупо терзаться чувством вины, когда не сегодня-завтра можешь его покинуть. Эйса сделала для сестры всё, что могла. Лупе не дура, нянькаться с ней не было необходимости.

Пляшущие огни Вегаса потускнели, над городом нависла предрассветная дымка, за которой солнце смотрелось бледным пятном. Утренние двадцать градусов тепла казались ей заморозками. Ривера вспомнила, что осталась без связи. Пока Эйса приходила в себя с помощью стакана виски, она слышала разговор между Джо и Шокером, но в памяти остались лишь обрывки — Гонсалес утверждал, что их вычислили через смартфоны.

В ближайшем круглосуточном торговом центре она купила самый простой телефон и пачку сигарет. В переулке, за углом магазина она остановилась закурить. Затянувшись крепким мятным дымом, она поняла, что только сейчас выдохнула. С самого Эль-Пасо стальное напряжение схватило её поперёк груди и не отпускало до сегодняшней минуты — полную притворства ночь в номере Данэма она не брала в расчёт. Разум, отпущенный в свободный полёт по волнам никотинового дыма, перебирал варианты дальнейших действий. Что же, если Джо не найдёт решения? Залечь на самое глубокое дно или идти с повинной к Франко, если вообще удастся до него добраться? Кто ещё мог знать об их деле и кто мог их подставить? Да кто угодно. Самоё вероятное решение, которое Франко мог бы принять — объединиться с другими звеньями картеля в Штатах и дать Человеку ответ на другой территории, уже не в «Таити», но почему тогда он заявил, что оставляет их барахтаться в

этом дерьме самостоятельно? Её не покидала мысль, что где наверху их, словно пешки, просто выбросили с доски. «Пожалуйста, не употребляйте наркотики» — на ветру трепетала наспех отпечатанная на принтере листовка. Эйса усмехнулась, бумажка с этим отчаянным манифестом смотрелась жалким собачьим твяканьем против огромной машины по добыче денег.

Она отправила смс Джо и набрала номер санатория, где жила её бабушка. Сообщив секретарю, что она потеряла симку, Эйса попросила заменить номер в карте регистрации и соединить с её комнатой.

Палома де Вальдеверде в свои девяносто три была бодрой старушкой и к жизни относилась гораздо мудрее Эйсы, несмотря на то, что она похоронила почти всех своих внуков. В её лице Ривера находила неиссякаемый источник жизненной силы и поддержки, которая так была ей необходима все эти годы. Палома знала, что Эйса продолжает работать на картель, знала и никогда не обсуждала с ней это. Сейчас Ривере как никогда хотелось услышать её.

— Моя милая девочка, как ты? — искаженный мерным гулом телефонной сети, её голос казался печальным.

— Хорошо, бабуля.

— Как твоё здоровье, Эйсита? — она будто насквозь её видела, даже через тысячи миль. Ривера не собиралась рассказывать ей, что едва не скончалась от кровоизлияния в мозг несколько дней назад.

— Всё в порядке. Как ты?

— Мне приснился дурной сон. Я видела Энрике. Он говорил, что скучает и ждёт меня. О тебе спрашивал. Мне не понравился этот сон, — Палома совсем сникла. Эйса не знала её такой. В груди заныло — якорь, который держал её на плаву все эти годы, оборвался и пошёл на дно. — Ты точно в порядке, девочка моя?

— Конечно, — снова солгала Ривера, услышав в динамике навязчивый писк, она оборвала разговор. — У меня вторая линия, я перезвоню.

Ей не понравился этот разговор. «Мёртвые должны оставаться мёртвыми, и хорошо что мы ещё живы», — Палома повторяла это всякий раз, когда видела развешанные гроздьями тела или трупы на главной площади Синалоа, остававшиеся после разборок враждующих картелей. Этот пейзаж с годами стал привычен, жители научились относиться к этому с равнодушием, втайне радуясь, что среди них не оказалось близких. Палома никогда не говорила о погибших внуках, суеверно не тревожила их память, чтобы продлить жизнь живущим. Эйса осталась единственной родной кровью этой сильной женщины.

— Где тебя носит, мать твою?!

Силва исходился на говно. Все эти несколько часов она старалась не думать, что Джо от волнения уже представил в красках её отделенную от тела голову. Ей было всё равно.

— Я в порядке, Джо, — она говорила примирительным тоном, продолжать баталии и ворошить прошлое не имело сейчас никакого смысла.

— Обрегон убит.

— Что? — Эйса не была уверена, что не ослышалась.

— Вчера нашли тело.

Смерть главы враждующего картеля однозначно изменит расстановку сил, и сейчас они находились по уши в дерьме на ничейной земле. Джо так и не удосужился узнать, почему Франко решил провести сделку именно в Вегасе, в городе, подконтрольном Хосе Обрегону.

Имела ли место однократная договорённость между ними, и если да, то как теперь быть им, когда гарант их безопасности отбыл в лучший мир? Где во всём этом дерьме место Данэму, Человеку и двадцати пяти миллионам? Джо по своей тупости всех обстоятельств дела наверняка не знал и узнать заранее не догадался. Полагаться целиком на него было ошибкой — побывав в больнице, она растерялась и ослабила хватку. Их звено было на хорошем счету, но теперь её репутация стремительно катилась вниз, а промахов в картеле не прощают.

— Нам нужно найти способ вернуться в Мексику.

— Пустыми? — двадцать пять миллионов долларов растворились в пространстве, и они последние, кто имел к этим деньгам отношение. Эйса сомневалась, что дома их ждут с распростёртыми объятиями, как сомневалась и в том, что им удастся добраться до границы.

— Живыми, крошка. Я улажу вопрос с боссом.

— Шокер с тобой? — в трубке повисло молчание, Эйса словно отсюда видела, как Силва чешет затылок, мучительно подбирая слова.

— Час назад Данэм связался с нашими, Хавьер прислал мне видео. Шокера можно не ждать.

Табачный дым оседал на стенках желудка горечью и обдавал слизистую жаром. Ей казалось, что переулок сужается, а стены ближайших домов имеют глаза. На неё кто-то смотрел в упор, словно через прицел, но она не могла понять откуда и не глячит ли её со страху.

— Человек дал боссу двенадцать часов, чтобы мы вернули бабки. Гринго не ебёт, что мы не при делах.

Гениальные мозги Фернандо Гонсалеса больше не функционируют, лишних объяснений не требуется. Их осталось двое, и через двенадцать часов не станет и их, если они не прорвутся через границу.

— Я недалеко от дома Лупе, — Ривера услышала себя словно со стороны, у неё безнадёжно сел голос.

— Я подхвачу тебя. Береги свой зад, крошка, смотри в оба.

Эйса сбросила вызов и сунула трубку в карман. Острый приступ паранойи не давал ей покоя — ей казалось, что за ней наблюдают. Озираясь по сторонам, она двинулась к автобусной остановке, чтобы смешаться с утренней толкотнёй и дождаться Джо.

7. Побег

— Дай мне видео глянуть. — Эйса протянула Силве ладонь.

Они двигались по шоссе в сторону Эль-Пасо на джипе, арендованном Джо на свои липовые водительские права. На востоке собиралась гроза, пыльный, удушливый зной лез в распахнутые окна — в машине не работал кондиционер. Разметавшиеся от сквозняка волосы навязчиво лупили Риверу по лицу, она остервенело заправляла их за ухо снова и снова.

— Не надо, крошка, — казалось, он жалеет её нервы, несмотря на то, что Эйса любовалась трупами с детства — в Синалоа ребяшня не боялась тыкать палочками в распухшие тела, как обыкновенные дети тычут в жуков или ящериц любопытства ради. Он не шевельнулся, только крепче сжал руль.

— Дай!

Он промолчал. Эйса грубо оттопырила карман его штанов и взяла телефон сама. Джо не стал сопротивляться.

Видеозапись в две минуты длилась, словно трёхчасовая кинохроника. В кадре был Шокер, его избитое лицо напоминало лицо мученика. Он будто смирился с неизбежностью — боль от пыток забрала у него надежду и способность к сопротивлению. Лицо Данэма не попадало в кадр, но фигура и голос принадлежали ему, сомнений не было. Он сухо зачитал требования, и взял со стола нож с широким клинком.

Это особый тип людей, Эйса знала таких лично. Головорезы Франко сплошь состояли из них, тех, для кого отнять жизнь значит уподобиться Богу. Такие, как Данэм идут в армию или вступают в картель, потому что холодная рукоять пистолета даёт им ощущение безграничной власти. Их не интересуют деньги, у них всегда есть высшие идеалы, которые оправдывают всё. Они, как сраные шахиды, с ними нельзя договориться, нельзя возвать к совести или жалости, законы для них ничего не значат, а приказ того, кому они преданы — истина в последней инстанции. Эйса понимала, что ей вряд ли снова повезёт уйти живой, если она встретит его ещё раз.

Она хладнокровно наблюдала, как Данэм взял Гонсалеса за волосы и провёл ножом по шее от уха до уха глубоко вгоня лезвие в кожу. Медленно, качественно, напоказ, он отделял голову от туловища, позволяя фонтану крови литься во все стороны, пока связанное тело Шокера билось в агонии. В горле застрял комок слюны, Ривера неосознанно растирала ладонью шею — её одолела фантомная боль.

До Эль-Пасо оставалось десятка два миль, когда их остановила дорожная полиция. Из густого потока машин копы выбрали только их — обочина была пуста. Эйса внутренне напряглась, нащупала спрятанный под сиденьем ствол, приготовившись дёрнуть его оттуда при первой же необходимости. Она надеялась, в этом не будет нужды — ехать к границе в сопровождении эскорта, петлять зайцами в поисках лазейки, из которой их уже не смогут вытащить назад в доблестные руки полиции Штатов не входило в их планы.

Джо не стал глушить двигатель и с ледяным спокойствием выставил в окно документы с парой купюр, стратегически спрятанных под прозрачной обложкой. Он был абсолютно уверен, что его поймут правильно.

Полицейский тщательно изучал права, бросал взгляды на машину и смотрел на них через лобовое стекло и всячески тянул время, которого у них не было ни минуты лишней. Его взгляд был спрятан за непроницаемо чёрными очками.

— Почему так долго, сэр? Что-то не так? — Эйса не выдержала, высунулась из машины на пол корпуса и одарила копа ослепительной и насквозь фальшивой улыбкой.

Полицейский выставил вперёд ладонь, жестом приглашая её сесть обратно и задержать отъезд. Он не взялся за рацию, а вынул из кармана телефон.

— Это не копы, — произнёс Джо вслух то, что одновременно пришло им в головы, словно озарение. Секундой позже он с диким рёвом покрывок рванул на шоссе.

Никто не открывал стрельбы, Джо выжимал из джипа всё, что можно, не подпуская машину преследователей близко. Не было ни сирены, ни проблесковых маячков, догадка Силвы оказалась верна — за ними гнались люди Человека. Эйса хладнокровно держала оружие наготове, непрерывно сканируя движение на шоссе и расстояние между их машинами.

Знакомый серебристый седан резко вырулил из потока на соседнюю полосу и прибавил ходу.

— Данэм, — выдохнула Ривера и поняла, что боится.

Теперь их гнали две машины, стараясь зажать с крайних полос. Расстояние стало стремительно сокращаться — авто Данэма было гораздо мощнее. Серая лента многополосной дороги, красные отбойники, зелёные стрелки указателей — всё сливалось единым пятном, пока Ривера мучительно избавлялась от паники и приводила мозги в порядок — Джо мог только гнать вперёд, играя в пятнашки с попутными машинами, до тех пор пока на горизонте не появятся вертолёты полиции Техаса. Тогда им не уйти. Чакито вывез бы их за пару минут, земля ему пухом.

— Давай. Сейчас, Джо! — крикнула Эйса, когда они стремительно приблизились к перекрестку, где для них горел красный свет.

Джо воззвал к пресвятой Деве Марии, дёрнул рычаг передач и утопил педаль газа в пол. Эйса закрыла глаза. Оглушительный бас клаксона временно лишил её слуха — они неслись наперерез огромной фуре, Силва проскочил перед её капотом за секунду до фатального столкновения. Послышался лязг тормозов и гудение десятков машин — фуру развернуло и она перегородила проезд на всём перекрёстке. Дорожная авария перекрыла видимость, и Джо сумел оторваться от преследователей, свернув в переулок жилого массива.

— Нужно найти другую машину, они близко, — отчеканила Эйса, запихивая в задний карман шорт запасную обойму.

На приборке зазвенел телефон Силвы. Он схватился за него дрожащими после погони пальцами.

— Лупе... — он отодвинул телефон от уха и взглянул на Эйсу. Она всё поняла и тут же отвела взгляд. — Какого хера, Хавьер?! Мы же договорились!

В трубке слышались крики, и Джо вернулся к разговору, оставив Риверу наедине со своими мыслями. Речь определённо шла об их переброске в Мексику, но Эйса не стала дожидаться конца разговора.

— Я найду машину.

Она захлопнула дверь и направилась вглубь квартала, несмотря на протесты Джо который пытался одновременно говорить по сотовому и с ней.

Её будто оглушили. Она была рядом, когда Данэм убивал Лупе. Она была в квартале от дома, где жила сестра. Бездумно плутая между безликих многоэтажек, Ривера ощущала, как голова наливается свинцом, а ноги, напротив, становятся ватными. Лупита была ей сестрой лишь наполовину — мать родила своих восьмерых детей от четырех разных мужчин, они

никогда не были близки и прожили под одной крышей совсем недолго. Сестра было лишь словом, лишенным того смысла, который должен в нём быть. Путаясь в обрывках несвязных мыслей, Эйса не осознавала, что оседает на асфальт и теряет сознание — она тратила силы на попытки вызвать в себе хоть какие-то чувства. Самым отвратительным было то, что она не ощущала боли потери — ей до ужаса не хотелось оказаться на её месте.

8. Оливер Данэм

Эйса пришла в себя, ощущая запах лекарств, слабость и головную боль. Она распахнула глаза и поняла, что находится в больнице, но не в палате, а в захудалой комнатке для персонала, давно не видавшей ремонта. В таких закутках прикормленные не задавать вопросов медики латали членов картеля, в Штатах вряд ли это выглядело иначе. На ней были её шорты и рубашка — никто из персонала не рискнул переодеть вооружённую женщину в казённое тряпье.

То, что с ней случилось, напоминало недавний приступ, произошедший с ней в Мексике. Тогда доктор тщательно разбирал томограмму её мозга, тыча указкой в какие-то тёмные области. Эйса не поняла ни слова и предпочла сразу же об этом забыть — дожить до девяноста при её образе жизни она не планировала. Ривера попробовала встать, но её левая рука оказалась пристёгнута наручниками к койке.

— Зря ты мне телефон не оставила.

Эйса была бы рада никогда больше не слышать этот голос. Он тянул гласные с расхлябанной ленью хозяина положения и фальшивой драматичностью покинутого любовника. Данэм наигранно вздохнул и покачал головой. Ривера не видела его лица, лишь силуэт в дверном проёме: свет коридорной лампы бил ему в спину, но она была уверена, что он ухмыляется охренеть как довольный собой.

— А ты, я смотрю, обиделся.

Эйса произносила звуки сквозь сжатые челюсти. Ярость и страх сочетались между собой, принимая уродливые формы — ей хотелось заползти под койку и одновременно выдрать ему хребет голыми руками. Ни один человек не вызывал у неё такой волны ненависти, что становилось нечем дышать. Воткнутая в вену игла казалась орудием пытки — она не была уверена, что ей не пустили в кровь какую-нибудь дрянь на потеху этому ублюдку.

— Ну, привет, Натали, — Данэм шагнул в сумрак палаты, придвинул стул ближе к койке спинкой вперёд и сел, по-ребячьи сложив голову на скрещенные руки.

— Что это было вообще?!

Она выпрямилась на кровати, наручники громко лязгнули о жестяной поручень. Ривере не давал покоя вопрос — на кой чёрт ему сдался тот идиотский маскарад с переодеваниями. Он мог получить от неё всё, что угодно, просто приставив к виску ствол. Он мог вывернуть её наизнанку, не выходя из номера, но отчего-то дал ей уйти. Эйса ощущала, что её, словно оглушенную жертву, выпустили из логова хищника, чтобы снова поймать по кровавому следу забавы ради.

— Ну-у, забавно было наблюдать, как ты пытаешься слинять от меня со мной же, а дальше... Я не дурак, чтобы отказаться.

Данэм улыбнулся, в его внимательном взгляде блеснули искры азарта завоевателя. Ривере захотелось съездить ему по роже.

Эйса пыталась найти хоть один изъян, который выдавал бы в нём больного на голову потрошителя, но не могла. Он был нормальным, он внушал доверие и симпатию, его угловатое мужское обаяние, абсолютно адекватное поведение, мальчишеский прикид из простых чёрных джинс и толстовки — совокупность всех этих факторов толкнула Эйсу в его постель в ту злосчастную ночь. Она не чувствовала опасности, интуиция тогда впервые

подвела её.

— Почему башку мне не отпилил?

— Очередь твоя не подошла, — он запросто пожал плечами, будто они обсуждали вчерашний бейсбольный матч.

— Как это мило.

— Не то слово, — Данэм выпрямился и вынул пистолет.

Эйса чувствовала, как под натиском челюстей у неё скрипят зубы. Диалог не имел смысла перед неизбежным фактом того, что она сегодня умрёт. Чуть наклонив голову, Данэм смотрел на неё сквозь надменный прищур, едкая ухмылка делала черты его лица жёстким. Его глаза под выпирающим, широким лбом казались чёрными провалами, а тёмная щетина закрыла половину лица, подчёркивая полные губы, казавшиеся при тусклом освещении тёмно-вишнёвыми.

— Моя очередь подошла сейчас, смею предположить?

— Ага, — под невидимым движением его пальцев щёлкнул предохранитель, чёрное отверстие пистолетного дула развернулось в её сторону.

— Так почему я в больнице, а не в морге?

— За естественную смерть мне не заплатят, а ты на куски разваливаешься.

В палате стало тихо. Эйса слышала, как по оконному стеклу скрежечат ветки деревьев, за которыми давно никто не ухаживал, и как шуршат покрышки подъезжающих к зданию машин. Энрике спрашивал о ней — так сказала бабуля. Наверное, она скоро увидится с ним.

— Я могу быть полезна...

Эйса не привыкла сдаваться без боя, несмотря на то, что шансов Данэм ей давать не собирался, а он словно ждал, когда она начнёт торговаться — его лицо озарила азартная улыбка. Ривера вжалась в подушку, когда он двинулся к ней и быстрым движением отстегнул браслет наручника.

— У тебя есть пара часов, чтобы доказать свою полезность, — развернул стул и сел так, чтобы ширинка его брюк была в прямом доступе к её рту.

Эйса опешила. Желание выжить любой ценой боролось с желанием протошнить от одной только мысли о новом соитии с этим выблядком. Она была уверена, что он дурачится, проверяет, насколько она тупая — даже если Ривера устроит ему порнхаб не выходя из палаты, Данэм не отпустит её с миром, не надо быть для этого провидицей. Минет не стоит двадцати пяти миллионов.

— Ты убил моих людей и мою сестру.

— Ты нудеть будешь или делом займешься?

Он куражился, Эйса видела — как сузились его глаза, словно в предвкушении азартной игры. Она думала о том, сколько боли ей предстоит вытерпеть, прежде чем отправиться на тот свет. В душе поднималась яростная буря сопротивления — Эйса хотела жить, но не на условиях Данэма, не на потеху ему.

— Как же, наверное, скучно тебе живётся, мразь ты конченная. Пошёл на хуй. Стреляй.

Она не думала, что говорит. Рот произносил звуки сам, и мысли оформлялись в слова прямо из подсознания, минуя разум, парализованный животным страхом смерти. Такие, как Данэм жили в иной системе координат, имея настоящую власть — власть силы и страха. Любой чиновник на любой ступени иерархии законодательной власти мог потереться любым из своих законов — они не защищали никого, пока такие как Данэм и его хозяин живут на этой планете. Эйса знала это, потому что сама жила в такой системе. Она приняла

его игру, но сломала правила.

Данэм удрученно вздохнул и прицелился. Эйса смотрела ему прямо в глаза, секунды растянулись на бесконечность, а тишина заполнила каждый угол помещения до отказа так, что порывы ветра за окном казались гулом летящих снарядов.

— Ладно, — Данэм опустил ствол и откинулся на спинку стула. Из его голоса исчезли насмешливые нотки, он стал сухим и деловым. — Давай, я расскажу тебе, как всё было.

Твой босс единолично вёл бизнес на юге, однако, скоро ему стало тесно, и он пошёл на нарушение негласного пакта с Хосе Обрегоном, проще говоря, слил его. Тело бедолаги ещё не успело остыть, как он протащил на его территорию товар на сумму двадцать пять миллионов долларов, а удвоенный процент выплачивать не стал. Мой босс работал с Обрегоном без нареканий и оказался очень расстроен поведением твоего босса, потому изъял его прибыль в качестве неустойки. Но вместо того чтобы извиниться и обговорить новые условия, ведь рынок сбыта увеличился, Франко отправил вас. Деньги пропали, Франко ничего так и не понял, и потому пострадали твои люди. И, внимание, вопрос — куда вы дели деньги, Эйса?

Ривера вздрогнула при звуке своего имени. Мутная картина произошедшего вдруг обрела ясность, словно кто-то смахнул с полотна пыль. Она оказалась права — их смерть была лишь демонстрацией. Они или любое другое звено картеля — на её месте сейчас мог быть кто угодно, однако звёзды сошлись и привели её именно в эту точку пространства, именно в это время. Слепой фатализм боролся с неоспоримой логикой фактов — деньги не подчинялись воле судьбы, они подчинялись людям.

— Я не знаю. Их не было, когда мы пришли.

Данэм кивнул, и Ривера поняла, что ей поверили.

— Расскажи мне о своей сестре.

Эйса сдёрнула с себя одеяло и вскочила на ноги. Она сделала шаг в его сторону, собираясь обрушить на Данэма пару ударов в челюсть, но остановилась на полпути, словно наткнулась на невидимую преграду. Её остановил снятый с предохранителя ствол в его руках и взгляд, тяжёлый и злой. В его светло-серых глазах, которые вблизи стали видны ей отчётливо, читался молчаливый приказ не твякать, и Эйса подчинилась инстинкту самосохранения.

Данэм поднялся следом за ней и подошёл вплотную. Ей пришлось задрать голову — Ривера была босиком.

— Я не трогал твою сестру. Но кто-то очень хотел, чтобы это выглядело именно так.

Он не лгал, Эйса видела это по его глазам, по выражению лица. Сопоставив время погони, Ривера поняла, что он просто не успел бы этого сделать, во всяком случае, собственноручно.

Его заинтересованность в этом деле была едва ли не личной. Ривера чуть склонила голову набок, всматриваясь в его черты, будто видела их впервые. За фасадом деловой уверенности и превосходства владыки над рабом угадывалось напряжённое ожидание. Он словно хотел расплатиться за личное оскорбление с тем, кто посмел копировать его почерк и бросить тень на репутацию безупречного пса своего хозяина. Её полные, красивые губы испортила кривая линия злобной усмешки — она не могла ставить условия, но отсрочить себе приговор могла.

— Чего ты хочешь?

— Найти того отчаянного, кто увел бабки. И ты мне в этом поможешь, потому что твоя

сестра последняя, кто их видел.

Данэм был уверен в этом. Эйса даже мысли такой не могла допустить. Стоя под дверью её квартиры, она и представить не могла, что за хлипким фанерным полотном окажется сумма, ради которой Франко пустил их в расход. Об этом не думала и Лупе. Лупе не думала, что будет с сестрой. Ривера не хотела ему верить, но выбора у неё не оставалось.

— Зачем помогать тебе, если ты всё уже решил насчёт меня? — Эйса решила удостовериться, что и сегодня он отпустит её живой, несмотря на то, что она была абсолютно уверена в обратном.

— Ты же хотела быть полезной?

Он улыбнулся ей и сделал два шага назад, не поворачиваясь к ней спиной. Приоткрытая дверь палаты и ржавая полоска света, протянувшаяся вдоль щербатого цементного пола, казались ей маяком на пути к свободе.

— Тебе всё же стоит добраться до Эль-Пасо. Поторопись. Я хочу это видеть, — к нему вернулся прежний задор. Ривере показалось, что он потирает руки в предвкушении её реакции на то, что ожидает её там.

Она думала о Джо Силве, о том, что она найдёт его голову в пакете из-под мак-завтрака или аккуратно нарезанное рагу из его останков в мусорном бачке.

Эйса вспомнила видеозапись казни Фернандо. Она не знала, насколько эта тварь Данэм болен и чего от него ожидать, ведь Эйса не видела в нём ни капли безумия, которое так часто наблюдала в глазах того же Шокера. Бывших вояк не бывает — Данэм вершил своё правосудие осознанно, как опытный механик, интуитивно определяющий, что за беда случилась под очередным капотом, и Эйса не знала, что пугает её больше.

— Даже не думай свалить. Я из-под земли достану, — услышала Эйса в спину, но она думала уже не об этом. Она думала о том, что каким-то непостижимым образом ещё может спасти Джо.

9. Правосудие

— Я вас провожу! — наперерез Эйсе неслась заспанная, бледная, как моль, медсестричка, с розоватым лицом и светло-рыжими волосами. Она была худая, как ветка, в её руках шелестел простой полиэтиленовый пакет. Он был тяжёлым. Получив его в руки, Ривера поняла, что ей вернули её личные вещи, включая пистолет и полную обойму к нему. Внутри лежала скомканная записка: «С надеждой на скорую встречу. О. Д.». К концу фразы был подрисован смайлик — Данэм продолжал глумиться. На обороте был адрес и время. Это была квартира Лупе.

— Откуда вы знаете Оливера?

Медсестра вела её по тёмному коридору к служебному выходу, чтобы не спалиться перед главврачом за нелегального пациента. Она шла чуть впереди и бросала на Риверу косые взгляды через плечо.

— Я его не знаю и знать не хочу, — Эйса изумилась, как из-за такой твари кто-то может исходиться ревностью.

Ривера могла бы предупредить её не связываться, но, взглянув на неё, поняла, что интеллект этой куклы не выше штатива для капельниц — она не поймёт её или не поверит. Эйса вспомнила, что сама не так давно купилась.

На выходе из больницы Ривера грубо оттолкнула девчонку и бросилась в жаркое вечернее марево, словно в море. Днём прошёл дождь: на парковке мерцали лужи, и воздух был насыщен влагой. Эйса вздохнула полной грудью — она всё ещё была жива.

Наличные пришлось экономить, ровно как и время. Она не стала искать автобусную станцию, а решила найти машину, как и собиралась изначально. Пыльный пикап с грязными, чуть спущенными колёсами стоял у обочины, он явно был никому не нужен. Его не хватятся через полчаса, на нём можно беспрепятственно добраться до Эль-Пасо объездным путём и не собрать за собой эскорт из патрульных машин. Пикап был на ходу и внешне совершенно исправен, нужно было лишь подкачать шины: на несколько миль пути его должно хватить, Эйса выжмет из него всё, что можно.

Выруливая на трассу, она позвонила Джо. Он не снял трубку. Она звонила не переставая семь или восемь раз подряд, но тщетно. Эйса со злости стукнула по рулю, случайно задев клаксон — хриплый гул огласил дорогу, и Ривера хотелось заорать с ним в унисон.

Она впервые была сама по себе. С тех пор, как ей исполнилось пятнадцать и она вступила в картель, Джо прикрывал её зад в любых вылазках. Их звено не раз меняло состав, но Силва всегда казался ей незыблемым, как скала, несмотря на то, что мозгов по природе ему перепало меньше, чем ей. Он был главой звена лишь потому, что умел подпевать Франко на все лады. Дуракам везёт, думала она, но теперь его везению пришёл конец.

Эйса остановилась у старого паба, в котором они встретились, чтобы обговорить детали дела перед поездкой в Вегас.

— Где Джо? Он был здесь?! — она с порога бросилась к барной стойке и молчаливый хозяин заведения кивнул на запыленное окошко, выходящее на грунтровку. В клубах плотной пыли Ривера увидела стремительно отъезжающий автомобиль.

Она вылетела из бара, прыгнула за руль, с хрустом дёрнула рычаг передач и бросилась следом, надеясь догнать легковушку. Машина Джо сбросила скорость и Эйса поравнялась с ней. Она заглянула в кабину и мотнула головой на обочину, Джо согласно кивнул в ответ. Ей

не понравилось выражение его лица.

— Крошка, — он, не торопясь, словно растягивая время, вышел из машины, в его голосе слышалась вина, — я думал, ты уже...

Продолжать не имело смысла, Силва уверен был, что Данэм добрался до неё. Джо был прав лишь наполовину, а Эйса не понимала, почему не испытывает ни радости, ни облегчения при виде целого и невредимого напарника.

— Я звонила тебе...

Эйса услышала в своём голосе недоверие. Силва мялся и кусал губы, стараясь смотреть куда угодно, только не на неё. Она почувствовала раздражение и ощущение близкой беды, гораздо худшей, чем ей уже пришлось испытать.

— Джо, что происходит?

— Слушай, тут такое дело, — начал Силва, старательно подбирая слова, но после выпалил всё, как есть, словно с размаху отрубил пораженную гангреной конечность, — я говорил с Хавьером, когда ты ушла. Он сказал, что Франко переправит в Мексику только меня.

— И ты согласился, разумеется. — Джо пожал плечами и виновато опустил голову, а Эйса не могла подобрать названия тому чувству, что охватило её.

Внутри, где-то под грудью разгорелся пожар, языки пламени пожирали хребет, а едкий дым туманил мозги так, что Ривера перестала соображать. Это не умещалось у неё в голове. Франко велел бросить её. Джо предал её. Эйсе казалось, что глаза у неё наливаются кровью, как у быка на корриде, всё её существо яростно протестовало против услышанного — она не могла поверить.

— Прости, крошка. Я любил тебя, — Джо отвернулся от неё и распахнул водительскую дверь, намереваясь поскорее свернуть тяжёлое прощание.

— Кончай "крошкать", меня тошнит от твоих "крошканий"! — она поняла, что держит в руке пистолет и дуло его смотрит прямо Силве в грудь.

— Крошка... Эйсита, ты чего?!

Она уже и не помнила, с чего к ней приклеилось это дурацкое прозвище и почему она с ним смирилась. Шустрая, гибкая, мелкая, но сильная — в свои пятнадцать Эйса уверенно держала в руках автомат, расстреливая окна в жилых кварталах. Высунувшись из люка машины, она раскидывала веером тысячи листовок, где было отпечатано лишь одно слово — «Франко», чтобы все вокруг знали, кто хозяин этих земель. Она захлёбывалась чувством свободы, когда бросила работу в фасовочном цеху, от которой пальцы невыносимо ныли после двенадцатичасовой смены. Она упивалась чувством первой влюблённости, когда Джо впервые назвал её крошкой, вжимая в скрипучий матрас своей постели.

— Эйса! Твою мать! Да ты...

Ривера поняла, что сделала, когда отправила четвертую пулю в уже мёртвое тело. Она опустила руку. Сердце грохотало в ушах вместе с эхом выстрелов, под неловко упавшим трупом растекалась бордовая лужа.

Механическим движением Эйса проверила количество патронов, поставила пистолет на предохранитель и сунула его за пояс. Пальцы всё ещё дрожали, но к ней медленно возвращался рассудок. Она осмотрелась — дорога была пуста. Ривера надеялась, что их никто не видел. Выдохнув, Эйса закатала рукава рубашки.

Джо был бесповоротно мёртв — пульсирующая жилка на шее застыла без единого колебания. Она оттащила тело на обочину и свалила его в кювет. Чуть поскользываясь по

мокрой после дождя земле, Ривера спустилась следом. Она обшарила его карманы, забрала наличность, два золотых кольца, оружие и часы, вынула из ушей бриллиантовые штанги. Поднявшись из канавы на дорогу, Эйса осмотрела салон машины и забрала всё, что могло ей пригодиться. Телефон Джо она разобрала на части и со злостью втоптала их в грязь.

Эйса действовала настолько хладнокровно, насколько позволяло её состояние. Картель не простит ей этого — приказ Франко бросить её изменится на убрать, нужно лишь время, чтобы обнаружить тело.

Эйса вскрикнула, когда в кармане шорт зазвенел её мобильный. Она стала ненавидеть этот чёртов прямоугольник — последние семьдесят два часа она не получила отсюда ни одной обнадеживающей новости. Когда она увидела на экране телефонный код Акапулько, её сердце пропустило удар.

— Сеньорита Ривера, — Эйса не ответила, молчаливо позволяя невидимой собеседнице продолжать. — Сеньора Де Вальдеверде сегодня скончалась. Мне очень жаль.

Эйса ждала, когда её хватит новый приступ, но ноги всё ещё держали её вмиг отяжелевшее тело.

— Сеньорита Ривера, что делать с телом? Вы приедете?

Палома Де Вальдеверде прожила долгую жизнь и умерла естественной смертью в лучшем месте, которое могла бы себе вообразить. Эйса знала, как прекрасен пейзаж за окнами её комнаты, как близко к санаторию море, какие там чудесные врачи и внимательные сиделки, но она не могла поверить что это случится так скоро. Что это случится прямо сейчас, когда весь мир готов обрушиться ей на голову.

Эйса бросила телефон на обочине. Отгоняя машину Джо подальше от места, где осталось его тело, она дважды проехала по нему колесом. Путь на родину был ей заказан. У неё не было больше причины вернуться туда.

10. Дурная кровь

Эйсу с головой охватило чувство дежавю, когда она подошла к дому Лупе. Машину она бросила в двух кварталах от места встречи с Данэмом и часть пути прошла пешком. Она пыталась уgomонить натянутые до звона нервы; Эйса помнила пустые глаза Силвы и его последний вскрик, словно всё ещё была на той обочине. Она отняла его жизнь своими руками, поддавшись гневу. Она потеряла близкого человека, но не в момент выстрела, а после лицемерного «Прости, крошка». Тогда всё перестало иметь значение. Странное чувство, которое она сейчас испытывала, было похоже на облегчение и утолённую жажду мести, но вместе с тем она осознавала последствия.

Ривере было страшно так, что хотелось лечь под ближайшим кустом и смиренно ждать смерти, но она не собиралась ей так дешёво сдаваться. Данэм предложил ей отсрочку, и она ей воспользуется. Ей нужен был план на тот момент, когда закончится его доброта, но в голове, как назло, не было ни единой здоровой мысли, только лишь опустошение.

— Ты опоздала.

Данэм стоял поперёк узкого коридора, заняв собой почти весь проход.

— Были проблемы с транспортом, — не сбавляя шаг, ответила Эйса и едва не врезалась ему в грудь. Данэм не собирался уходить с дороги, словно эта неловкая близость доставляла ему удовольствие. Казалось, он понимал, что она врёт, но ловить её на этом не собирался, во всяком случае пока.

Дверь в квартиру Лупе была опечатана, но жёлтую оградительную ленту кто-то сорвал, видимо, Данэм уже осмотрелся. Протиснувшись мимо него, Эйса вошла и включила свет.

Комната походила на свинарник — устроили его копы при обыске или так оно и было после неудавшегося побега Лупе, оставалось только гадать. Вся квартира оказалась настолько мала, что Эйса не понимала, как громадная Лупе вообще в ней умещалась, тем более с мужчиной. Из мебели в ней были большая кровать со сбитым покрывалом, большой шкаф, где остались нетронутыми вещи и стол, заваленный бытовым хламом. Видимо, сестра решила бежать налегке — на двадцать пять миллионов можно купить не только гору новых шмоток, но и новую жизнь.

За простой деревянной ширмой пряталась кухня. Кафельная плитка в жирных пятнах и следах пригоревшей пищи вызвала у Эйсы отвращение. Плохо замытое пятно крови она обнаружила на полу у окна.

— Я бы не стал светить на весь квартал. Копы могут быть поблизости, — Данэм стукнул ладонью по выключателю, и квартира погрузилась во тьму. — С кем она общалась?

— Я не знаю.

— У неё были друзья?

— Не знаю.

Эйса чувствовала, что теряет; она была рада, что Данэм выключил свет и не видел сейчас её лица. К допросу она была не готова, как не готова была к тому, что чувство глубокой, отчаянной тоски обрушится на неё прямо сейчас.

Ривера никогда так остро не ощущала одиночества, оно оказалось подлым ударом под дых. Человек — существо, намертво привязанное к социуму, и она лишилась всех близких до единого, лишилась покровительства картеля, потеряла ту шаткую определенность, которая вообще могла у неё быть при таком образе жизни. Эйса не сомневалась в себе — она сумеет

выжить, если ей не станут мешать, но мысль о том, что всё, абсолютно всё придётся начинать заново, вызывала в ней глухую ярость. Она не знала, кого ненавидит больше — того, кто забрал деньги Франко вместе с жизнью её сестры или Данэма за то, что он просто живёт на этой земле.

— Любовник?

— Я не знаю, — настрой на борьбу утекал, словно песок сквозь пальцы, пока его раздражённый голос не вернул её в реальность.

— Ты издеваешься?!

Чёрная тень, в которую превратилась его фигура в полумраке комнаты, двинулась к ней. Эйса шумно вдохнула, откинула упавшие на лицо волосы и сложила на груди руки в жесте защиты. Она сделала шаг назад, ей не хотелось, чтобы Данэм подходил к ней слишком близко.

— Я сто лет её не видела. Когда я приходила к ней, чтобы предупредить, она была не одна.

— С кем она была?

Он словно выдавливал её из пространства, лишал воздуха, Ривера оказалась зажатой в угол. Эйса подумала, что ему вовсе нет нужды применять силу, во всяком случае, к ней. Давить на психику он умел виртуозно.

— Я. Не. Знаю! — Эйса ответила, повысив голос. — Я его не видела. Лупе писала матери, что вышла замуж.

— Я не нашёл здесь ни мужских вещей, ни фотографий, на записях с камер она всё время одна. Либо твоя сестра врала, либо этот бедолага даже не догадывался, что она называет его мужем, — он усмехнулся и следом резко покинул её личное пространство, свернув в сторону. — Думай, Эйса. Это твоя сестра, не моя.

— Лупе, кажется, присылала фотографию.

Ривера вспомнила, как мать с нескрываемой гордостью тыкала пальцем в полароидную карточку, словно Лупе выиграла миллион и вышла за наследного принца. Когда Эйса назвала её обыкновенной нелегалкой, и что быть ей горничной, официанткой или шлюхой, мать била её по лицу и кляла бессовестной прихлебалой. Эйса оказалась права, а за то, что она и брат Энрике содержали всю семью после того, как поднялись в картеле, в то время, как Лупе не прислала ни цента, ей никто не сказал доброго слова.

— Она мне нужна.

— Мне надо позвонить, — он повернулся к ней, в тусклом свете уличного фонаря, проникавшего в комнату сквозь поломанные жалюзи, Эйса увидела, как вопросительно гнётся у него бровь. — Мне нужно позвонить матери в Синалоа! Письма должны быть у неё, — она протянула раскрытую ладонь. — У меня нет телефона.

— Надо же, как плохо живут ребята из картеля, — Данэм улыбнулся, вынул мобильник из кармана, и вложил ей в руку. — Знаешь, как работает?

Эйса пропустила его неуместный юмор мимо ушей и набрала по экрану номер родного дома. Она молилась, чтобы мать оказалась на месте. Услышав в трубке её голос, Ривера сжалась в комок, словно всё ещё была ребенком. Когда Эйса думала о близких, мать она в виду не имела.

— Привет, мама.

Мария словно забыла, что у неё где-то остались ещё дети. После недолгого молчания, динамик разразился громкой речью: она путала английский с испанским, меняла и

коверкала слова в предложениях, захлёбываясь возмущением.

— Да неужели?! Ты решила позвонить матери в кой-то веки?!

— Где письма Лупе? — Ривера грубо прервала её, у неё не было ни времени, ни желания снова выслушивать претензии, которые с годами лишь росли.

— Письма Лупе? Зачем тебе письма Лупе? Ты бы хоть спросила, как мы тут живём! Вчера Диего уволили с фабрики, а ты! Устроила полуживой старухе райский курорт, а про нас ты подумала?! — мать не могла понять и простить ей такой выборочной заботы, до неё не доходило, что Эйса делала это не по принуждению, а от чистого сердца. Палома была единственной, кто относился к ней по-человечески.

— Мне нужны письма Лупе, у неё проблемы, — Эйса не была уверена, знает ли Мария с её смерти, и о смерти «старухи» Де Вальдеверде, но стать гонцом, приносящим плохие новости, она не собиралась, иначе ничего от матери не добьётся.

— Опять эти ваши дела, нет чтобы домой лишний раз позвонить. Срать я хотела на вашего Франко... — мать не слышала её. Эйса отодвинула от уха вопящий динамик и закатила глаза. Ривера не винила её в жестокосердии. Мария не успевала любить своих детей, они слишком быстро уходили из жизни.

— Сколько? — Эйса решила сэкономить время вопросом в лоб. От неожиданности Мария на несколько секунд зависла.

— Что? Ты что думаешь, мне нужны твои деньги?!

— Сколько?

— За квартиру не плачено два месяца, я у соседки занимала три раза, вечером отдавать, а мне нечем. Сгорел тостер, ему уже тринадцать лет, — мать бегло перечислила свои беды, словно обоснование для инвестиций, и жадность в её голосе перемежалась с чувством стыда за то, что ей приходится побираться у нелюбимой дочери. — Две тысячи.

— Сегодня будет. Возьми фотографию и сходи к Марко, пусть отсканирует и пришлёт мне на электронный ящик. Срочно, — Эйса сбросила вызов и ткнула трубкой Данэму в грудь. Не отрывая от неё взгляда, он положил телефон обратно в карман. Она соврала, зная, что Мария по простоте душевной не станет проверять и торговаться. У Риверы не было ни времени, ни средств выполнять её прихоти.

— Надо немного подождать, — Эйса заметалась по комнате, не зная куда себя деть. Ожидание, как и компания Оливера Данэма выводили её из себя.

Громкий удар в дверь заставил обоих схватиться за оружие и рефлекторно пригнуться.

— Я знаю, что вы там! Проклятые мародёры! Стоит только человеку умереть! — старческий голос сердобольной соседки гудел на весь этаж, привлекая ненужное внимание. Данэм тронул Риверу за руку и указал на окно, за которым виделся ржавый остров пожарной лестницы.

Когда Эйса ступила на землю, у неё дрожали руки и дыхание сипело, как у гончей, намотавшей добрый десяток миль.

— Резвее, старушка, — подначивал Данэм, внимательно всматриваясь в предрассветную темень. — Начни с пробежек, здоровье поправишь.

— Быстрее пули бегать не стану. Не вижу смысла напрягаться.

Они действовали слаженно, будто сработанная команда, и это показалось ей странным, ведь они знали друг друга лишь несколько часов.

Пульс всё ещё бился в висках, подгоняемый выбросом адреналина, когда Эйса снова оказалась на переднем сиденье серебристого «БМВ». Данэм вырулил на шоссе и набрал

скорость. Эйса не смотрела в его сторону, он молчал, прокатывая мили и не жалея горячего. Так он коротал ожидание.

11. Пути неисповедимые

Эйса терзала телефон Данэма, снова и снова обновляя электронный ящик. В полутьме салона был слышен лишь тихий рокот турбины движка, когда Данэм выжимал газ, обгоняя попутные машины. Эйса ощущала запах кожаной обивки, ароматизатора с нотками сандала и холод стекла, когда прижималась к нему лбом. Ривера торопила время и вместе с тем, отчаянно не хотела, чтобы оно шло слишком быстро. Эйса не знала, что будет с ней, когда Данэм получит то, что ему так нужно.

— Есть, — на дисплее мигнул белый конвертик, и она отдала ему телефон.

— Ну, привет, сукин сын, — Данэм взглянул на фото и резко сбросил скорость, включив аварийки.

Эйса никогда не видела этого человека, но Данэм, похоже, знал его хорошо. Молодой мужчина, белый, у которого не было особых примет, кроме поломанного носа — встретив такого на улице, Ривера не обратила бы на него внимания. Однако именно он уничтожил её звено и убил её сестру. Эйса искренне желала ему испытать все муки ада.

— Этот мудака не учёл одной вещи. Я не стал бы резать ей башку на её территории. Слишком много следов, — он говорил скорее себе, чем ей, в его голосе угадывалось злорадство, словно он вывел бездарного подражателя на чистую воду. Риверу затошнило от его слов. Она вспомнила ту чёртову видеозапись.

— Ты что, кайфуешь от этого?! — Эйса вскинулась и стукнула ладонью по приборке так, что стало больно. Одна мысль о том, что она делит с ним ничтожно малое пространство салона, была для неё пыткой — ей отчаянно хотелось свалить куда угодно, лишь бы подальше от него.

— Это моя работа. И я делаю её лучше других, — Данэм осадил её, Эйса отвернулась от него, упрямо сжав губы. Казалось, что он безумно гордился своим профессионализмом, и она едва не подавилась собственным языком.

Ривера мало пересекалась с палачами картеля. Шокер не в счёт — он был психом, взять с него нечего, но те редкие встречи Эйса запомнила на всю жизнь. У них были мёртвые глаза. Они смотрели так, словно прикидывали, где под слоями кожи и мяса у тебя сустав, а где лучше разорвать тебя по шву. Они могли пытать людей неделями, не вылезая на божий свет, именно после их трудов запуганные до икоты синалойские копы снимали изуродованные трупы с фонарных столбов. Данэм был не похож на них, он был слишком нормальным, словно в его мозгах был вшит невидимый тумблер, который переключал его в режим зверя и обратно. И это пугало куда больше.

Он остановил машину на обочине и взялся за мобильный.

— Это Натан Вельховен. Да, я думаю, это он. Я понял, — судя по тону голоса и лицу, чуть опущенному вниз, Эйса поняла, что Данэм отчитывается своему хозяину, Человеку.

Она смотрела во все глаза, жадно впитывая скудные обрывки информации, анализируя жесты и выражения его лица. Это всё, что ей оставалось — никто не собирался вводить её в курс дела, словно она бесплатное приложение к кушу в двадцать пять миллионов или вовсе дама из эскорта. Это положение вызывало у неё прилив беспомощной злобы, который она тщетно пыталась погасить, сжимая через ткань рубашки холодный ствол пистолета.

Данэм закончил разговор и набрал другой номер. Теперь команды отдавал он.

— Натан Вельховен. Пусть ребята изучат записи дорожных камер на выезде из города,

осмотрите его гараж и записи с ближайших к нему камер, опросите местных, при необходимости подключайте копов...

Под монотонное перечисление приказов, Эйса хотела тихо просочиться на улицу и бежать без оглядки, несмотря на то, что подготовленный Данэм настиг бы её в два счёта и даже не запыхался. Миссия выполнена, она больше не нужна ему, но Данэм считал иначе — когда Ривера дотронулась до ручки, он заблокировал двери и покачал головой.

Неопределенность съедала Ривере нервы. Когда он выехал с обочины и влился в стремительный поток на шоссе, Эйса не выдержала:

— Что дальше?

— Дальше прокатимся в одно место.

— Что будет дальше со мной? — с нажимом, сквозь зубы уточнила Эйса, заставив себя посмотреть в его сторону. Уголки его губ потянулись вверх, а лицо исказила едкая гримаса насмешки. Ему похоже чертовски нравилось, что Ривера целиком и полностью зависит от него.

— Надо подумать, на что ты ещё стоишь.

Занялся рассвет, на горизонте всплывал бесформенный солнечный шар, его слепящие лучи били прямо в лобовое стекло. Данэм потянулся через неё в бардачок за тёмными очками и жестом собственника коснулся её бедра, удерживая равновесие.

— Убери руки от меня, мразь конченная, я тебе не подружка, ясно?!

Она с отвращением скинула с себя его руку и сжалась в комок, отодвигаясь к двери, словно эти жалкие сантиметры могут что-то решить.

— Как скажешь, — Данэм наигранно повиновался и вернул руку на руль. — Кстати, труп твоего дружка нашли в яме возле Эль-Пасо. Ты там мимо не проезжала случайно?

Эйса не нашлась, что ответить. Судя по приказам, что он отдавал насчёт Вельховена, у его загадочного, безмянного босса был неограниченный доступ к городской инфраструктуре и базам данных. Именно поэтому Данэм не побоялся дважды дать ей уйти — она всегда была под колпаком цифровых сетей и перед глазами тайных информаторов, разбросанных по территории, подконтрольной Человеку. Его могущество, его влияние было неоспоримо. Эйса снова подумала о Шокере — будь у него время, он попытался бы вычислить эту загадочную личность, и у них, возможно, было бы чем крыть. Шокера больше нет, больше нет Джо и она жива лишь номинально. Её жизнь теперь зависела от повёрнутого на всю башку мясника.

— Мразь, говоришь, конченная. Не такие уж мы и разные, Эйса.

Ривера поняла его намёк — Данэм знал, что это она убила Джо. Он знал причину, по которой она убила его. Молчаливый хозяин паба, похоже, работал на две стороны или Франко лично сторговал с Человеком свободу для Джо, теперь этого не узнать наверняка, но ставить себя на одну ступень с Данэмом Эйса не собиралась даже в мыслях.

— Ну-у, может ты и прав, — она солгала, чтобы сбить его с толку.

Данэм оставил её при оружии, уверенный в том, что Эйса им не воспользуется. Эйса его надежды не оправдала. Оглушенная яростью, Ривера дёрнула из-за пояса пистолет и направила ему в висок.

— Останови машину.

На его лице, казалось, не дрогнул ни один мускул, но ситуация, вышедшая из-под контроля, напрягла его — Эйса заметила, что он крепче сжал оплётку руля. Данэм свернул в технологический съезд.

— Слушай, давай-ка я тебе кое-что объясню, — Ривера едва не потеряла самообладание — его голос тихим рокотом лез за воротник, обволакивал хребет дрожью, вызывал озноб. — Ты жива, потому что нужна мне. Стоит тебе остаться одной, за тобой придёт картель. Поверь, их в Штатах более, чем дохрена. Они закопают тебя.

Вытянутая, напряженная рука начала дрожать. Эйса смотрела ему в глаза, ощущая, что неумолимо теряет концентрацию: он говорил тихо, внятно, медленно, словно специально сбивал её настрой. Чёткость восприятия размазывалась по черепной коробке тонким слоем — он умело заговаривал ей зубы, усыплял бдительность. Данэм был хорошо обучен — Эйса ощутила на себе фокусы, которым давным-давно обучалась сама, промышляя уличными кражами. Она понимала, что ей профессионально давят на психику, но ничего не могла сделать.

— И это самое безобидное, на что ты можешь рассчитывать. Тебе ли не знать. — Его напряженное лицо на миг озарила улыбка.

Эйса не успела понять, как её пистолет оказался в его руках. Она тупо пялилась в чёрное дуло, ощущая боль в запястьях — Данэм выбил у неё оружие одним движением.

— Я думал, ты умная.

Эйса прекрасно знала, что отбитые головорезы Франко делают с женщинами. Мерзко было признавать, но Данэм был прав.

— Пусть пока у меня побудет, — Данэм сунул ствол под сиденье.

Они въехали в жилой квартал. С обеих сторон дороги в ряд стояли аккуратные домики с зелеными лужайками. Покрытые блестящей глазурью садовые гномы вызывали у Риверы приступ омерзения — именно в таких районах жил средний класс, сдыхающий от скуки и стабильности. Именно здесь протухшие от быта домохозяйки вспоминают шальное студенчество, раскуривая по вечерам косяки. В этих глянцевах домиках жили подростки, которые сбегали в кокаиновый дурман от родительских завышенных ожиданий. Лицемерие во всей красе; эта неприязнь словно передалась ей с генами, она ненавидела каждого лощёного гринго, мнившего себя хозяином своей жизни, находясь при этом по уши в долгах перед банками. Ей хотелось смачно плюнуть на каждый такой идеальный газон.

Данэм остановился у одного из домов. Над крылечком развевался американский флаг, у гаража стоял старенький Шевроле. Эйса ожидала увидеть в коридоре портрет Буша или Обамы — патриотизмом здесь несло за милю.

— Оливер, — из дома показался пожилой, прямой, как струна, мужчина. Его седые волосы были стрижены по-армейски, наверняка он был ветераном.

— Сэр, — мужчина тепло обнял Данэма и кивнул Ривере.

Данэм взглянул на неё так, что ей ничего не оставалось, как закрыть рот и пройти следом за ними в дом. Он не собирался спускать с неё глаз.

— Я ищу Натана, сэр.

— Он опять что-то натворил?

— Снова запил, — Данэм врал. Ривере показалось, что он намеренно защищает старика от правды. Эйса могла бы рассказать, что натворил этот ублюдок, но решила до поры не искушать судьбу и осмотреться.

Хозяин дома, Стэнфорд Вельховен приходился Натану отцом — на полке у камина она нашла их совместные фото. Оба были в форме, оба служили, оба участвовали в боевых действиях. Ей удалось рассмотреть медали в дорогих деревянных рамках. Эйса увидела среди них лицо Данэма: он и Натан Вельховен в парадной форме напротив мемориала Корпуса

Морской пехоты.

— Он был вчера. Казался нормальным. Сказал что уезжает и не знает, когда вернётся. Оставил мне вот это, — Стэнфорд выдвинул ящик комода и положил на стол газетный сверток, упакованный сверху в пузырчатую плёнку. — Здесь двести тысяч. Я не собираюсь распоряжаться этими деньгами, пока не узнаю, где он их взял. Он в беде, Оливер?

— Боюсь, что да, — Данэм держался с уважением, даже с почтением, как со старшим по званию и как благодарный сын мог бы держаться с отцом.

— Забери их. Мне жаль. Ты ведь поручился за него.

Это была капля в море. И Данэм, и Эйса с одинаковой досадой смотрели на этот свёрток. Ей вдруг остро захотелось найти Вельховена и сделать его смерть мучительно долгой. Она не знала, какой приказ насчёт него у Данэма, не знала, что между ними произошло, не могла представить, куда Вельховен мог деть такую сумму, не спалившись, и какие неисповедимые пути свели с ним Лупе.

В голове зашумело, а язык сухим, тяжёлым камнем прилип к нёбу. Эйса не могла больше напрягать мозги, ей хотелось закурить и выпить кофе.

— Прошу прощения, я выйду за сигаретами, — Эйса кивнула на супермаркет, который виднелся из окна гостиной.

— Пять минут, — в ответ на красноречивый взгляд Данэма она вскинула брови и бросила быстрый взгляд на отца Вельховена. — Я тебя услышала. Далеко не уйду.

Эйса была почти уверена, Вельховен-старший не знал, чем на самом деле занимается на гражданке его сын. Учитывая специфику работы Данэма, вряд ли Натан охранял торговые центры. Он не хотел, чтобы Стэнфорд знал правду и не хотел, чтобы Эйса раскрывала рот. Ей нечего было терять, а Данэм оказался на удивление беззащитен: он молча кивнул, и Ривера вышла на улицу.

Она вспомнила, что у неё не осталось даже пары трусов — Джо скинул все её вещи, когда пытался бежать в Мексику, и сколько Данэм продержит её возле себя, было известно одному дьяволу.

Карманы рубашки грело золото Джо, она прикидывала, сколько может за него выручить и где в этом ублюдском городе может его сдать, не нарвавшись на проблемы. Она не нашла лишь одной вещи — золотого креста, который Джо бросил ей в лицо после событий в «Таити». Тогда он обошелся ей в десять тысяч, и как никогда был бы сейчас кстати.

Когда Эйса подошла к кассе, то увидела, как вытянулось личико молодой продавщицы — она смотрела ей за спину, и удивление на её лице сменилось животным страхом. Эйса обернулась.

— Привет от Франко.

Их было двое и они были вооружены. Тот, что был ближе, занёс рукоять пистолета для удара. Прежде чем отключиться, Ривера ощутила, как затылок пронзает тупая боль. Эйса вышла из поля зрения Данэма всего на пять минут, и это оказалось её фатальной ошибкой.

12. Удушье

— Очухалась что ли?

Эйса пришла в себя, когда ей на лицо упал первый ком земли.

— Я думал, откинулась. Нормально ты её приложил.

Ривера слышала голоса, они падали на неё сверху вместе с крошечком песка и глины. Она открыла глаза. Над головой синело безупречное вечернее небо, вата белых облаков застыла без движения, казалось, на улице штиль. Эйса не сразу поняла, где находится. Ей было тесно и холодно, над головой чернела кромка земли, а к лицу тянулись колючие, потревоженные корни. Она не могла пошевелиться. Ноги были связаны, а плечевые суставы пронзала жуткая боль: руки были скованы за спиной, и вес её тела давил на них, заставляя выгибаться дугой в беспомощной попытке освободиться.

— Надо было выдрать эту шкуру. Порадовалась бы хоть напоследок. Два таких классных парня, а?

Просвет неба скрыли две фигуры, один из них смачно плюнул ей в лицо. Эйса увидела у них в руках лопаты.

— Повезло тебе, зая, что ты отрубилась. Барри любит, когда дама кричит.

Крупный, слипшийся ком упал ей на грудь, выбивая остатки кислорода. Земляная пыль забивала нос и лезла в глаза, Эйса чувствовала, как слизистая заполнилась колючей сушью и слёзы полились ручьём, скрывая и без того дерьмовый обзор.

Животный ужас расходился ледяной волной от макушки до кончиков пальцев. Предупреждение Данэма сбылось слово в слово — её закапывали в землю живьём. Рот был залеплен скотчем, и последний глоток кислорода Эйса потратила на беззвучный, полный отчаяния крик.

Она не могла встать, не могла ни дышать, ни бороться — тяжесть слоя земли давила её тело ко дну наспех вырытой могилы. Каратели Франко оставили верхнюю часть её тела напоследок, чтобы она могла ощутить весь ужас своего положение как можно острее.

В голове звенела лишь одна мысль о том, что всё скоро закончится, нужно просто перетерпеть, и Эйса подгоняла смерть, чтобы не оказаться слишком живучей на потеху ублюдкам Франко. Тело дрожало в агонии, разум уступил место рефлексам — Эйса захлебывалась землёй, чувствовала на языке её привкус. Кусок неба над её лицом померк, и она потеряла сознание.

— Ты меня слышишь?

Эйса чувствовала вибрацию чужого голоса, будто сквозь толщу воды, ощущала чужие руки на своём лице, прикосновение губ к своим губам. Грудная клетка поднималась и опадала, следуя за чужим дыханием — кто-то упорно пытался её откачать.

— Ты меня слышишь?

Механизм лёгких запустился, будто старая машина с толкача. Эйса шумно глотнула воздуха и сразу же захлебнулась им. Ривера закашлялась, сухие глаза снова наполнились влагой, она развернулась на бок и оперлась локтями о дёрн, пытаясь выхаркать из глотки пыль и песок.

— Твою мать.

Голос осип, пустой желудок сворачивали рвотные спазмы, разум включался медленно: Эйса словно наблюдала со стороны, как её тело пронзает мелкая дрожь, как опора на локти

то и дело подводит её, вынуждая падать лицом в жухлую траву.

— Эйса.

Чьи-то руки развернули её и уложили на спину. С трудом разлепив глаза, она долго пыталась сфокусировать взгляд на лице, склонившемся над ней.

— Давай вставай.

Это был Данэм. Проклятый Данэм снова вытащил её с того света, будто это теперь его любимое хобби помимо расчленёнки.

Впервые за долгое время ей хотелось рыдать в голос, размазывая землю по лицу. Отголоски ужаса сжимали сухую глотку, не позволяя издать ни звука, у неё не было сил подняться на ноги, не было сил соображать. Мокрая тяжёлая одежда облепила тело, мелкие комья земли, казалось, были везде — в волосах, в трусах, во рту, Эйса была совершенно дезориентирована, когда Данэм поднял её с земли и заставил опереться себе на плечо.

Взгляд зацепился за чернеющую в земле дыру длиной в её рост. Края её осыпались, но дна она не видела: яма была достаточно глубока, чтобы её гниющее тело не учуяли собаки. Рядом чернел холмик выкопанной земли, а возле него лежали трупы неудавшихся палачей. Данэм проделал в их головах по сквозной огнестрельной ране.

— Иди в машину, я закончу тут всё.

Он оставил её на трясущихся ногах и направился к яме. Сидя в машине, Эйса наблюдала, как Данэм скинул в неё оба тела, одно прямо на другое, взялся за лопату и работал до тех пор, пока траншея не сровнялась с высотой почвы.

Ривера следила за его монотонными, размашистыми движениями, постепенно погружаясь в транс. Она словно отключилась от реальности. Ей казалось, что она всё ещё там, внизу, а Данэм и эта машина всего лишь бред агонизирующего мозга.

— Машину надо на мойку загнать.

Плюхнувшись на водительское место, он был спокоен, как чёртова скала, в то время, как у Риверы где-то внутри, под слоями глухой апатии, зарождалась истерика. Его ещё недавно белая футболка насквозь пропиталась потом, она липла к спине и груди, обнажая раздавленные от напряжения мускулы. Слой серой пыли лежал на его волосах и руках, Данэм провёл языком по губам и смачно выплюнул в окно комок слюны.

Эйса могла лишь представить, как хреново сейчас выглядит — беглого взгляда в боковое зеркало хватило, чтобы увидеть свой опустевший, полубезумный взгляд. До конца пути Ривера молча рассматривала свои чёрные от земли ладони и остаток вхлам испорченного маникюра.

Данэм остановился у придорожного мотеля, когда заволоченное дымкой солнце коснулось горизонта. В воздухе висело пыльное, жёлтое марево словно на окраине Невады их настигла песчаная буря. Эйса занимала себя мыслями о ванной, пока Данэм терпеливо заполнял карту регистрации на ресепшн и двулично улыбался блёклой администраторше, которая совершенно искренне улыбалась ему в ответ.

Когда Ривера заперла за собой заветную дверь, то, наконец, дала себе волю. Выкрутив на полную оба крана, она оперлась о раковину и завывала. Смерть была к ней так близко, но слёзы как назло не шли — в сухих, болезненных глазах застыло равнодушие. Эйса брызнула в лицо водой, бесполезно стараясь смыть грязь с разводами потёкшей туши и вернуть себя в реальность. Облегчения не наступало, она разделась и бросила вещи на дно душевой, прямо себе под ноги, устроив подобие стирки — кроме блекло-серого, воняющего хлоркой полотенца переодеться ей было не во что. Вода, словно разбавленные чернила, утекала в

слив, пока Эйса остервенело, до красноты растирала кожу жёсткой мочалкой.

Прошло не меньше часа, когда она решилась выбраться из стеклянного плена душевой. Эйса развесила вещи на холодной батарее, наплевав на то, что под ними неумолимо скапливалась лужа.

Данэма в номере не было, на столике в комнате она нашла пачку сигарет, бутылку дешевого виски и мятый пакет из ближайшей закуской — там ещё оставалось, что перехватить.

Кажется, вся жизнь Оливера Данэма умещалась в багажнике тачки: лёгкая спортивная сумка валялась распахнутой на кровати, а рядом лежала аккуратно сложенная белая рубашка. Знакомая вещь, наверное, таких у него много. Сойдёт и это. Церемониться и спрашивать позволения она не считала нужным. Ривера скинула полотенце на пол и надела её. Дрожащими пальцами она сумела застегнуть лишь несколько пуговиц, решив потратить последние силы на откупорку бутылки и пачки сигарет.

13. Падение

Сидя на крошечном пяточке балкона, Эйса услышала, как Данэм вернулся. Услышала, как зашумел душ, его шаги по комнате, его голос в трубку телефона. Алкоголь был дерьмовым или она была наполовину мертва: опьянение не приходило, расслабления не наступало, словно она была сраным куском камня, оставленным на дне той могилы. Что-то внутри бесповоротно сломалось, Эйса с грохотом поставила стакан на столик и подскочила со стула так, будто внутри неё распрямилась пружина.

— Благодарностей ждёшь? Не-е-ет, это из-за тебя и твоего дружка я в дерьме по горло.

Он стоял к ней спиной, и в полутьме спальни эти заковыристые «Semper Fidelis» казались чёрными змеями, опутавшими его обнажённое по пояс тело. Он взглянул на неё и отвернулся, не сказав ни слова.

— У меня вопрос. Тебе придётся отвечать, — она сделала шаг к нему. — Почему я до сих пор жива? Не носи херню про полезность, я имею право знать.

— Я должен убедиться, что ты не в стоворе. — Данэм не повернулся к ней, продолжая самозабвенно копаться в сумке.

— Что?! Да с кем?! С этим твоим... как его там? Вель... да боже, я даже фамилию его не могу выговорить!

— С сестрой, например.

— Да это дерьмо собачье! — она яростно пнула табурет, сиротливо стоящий в углу спальни и даже не почувствовала боли. — Какая она мне сестра?! Эта тварь подставила меня! Она плевать хотела, что будет со мной потом.

Эйса вдруг поняла, как сильно ненавидит её за это и ей ни капли не жаль, что Вельховен отрезал её тупую башку. Лупе знать не знала, с кем рискнула связаться. Лупе представления не имела, что её поступок развяжет войну между картелем Франко и теневой фигурой, которая, казалось, держал весь наркобизнес в Штатах за горло, и что Эйса уже не разменная монета, а сопутствующий ущерб.

— Какая печальная история. Я растроган.

Её крики, казалось, ему как об стену, но в его голосе не было того сарказма, который должен был звучать в этих словах. Он был занят своими мыслями и будто бы избегал к ней приближаться, старался не смотреть ей в глаза, словно берёт своё личное пространство от неё.

— Если бы я взяла двадцать пять лямов, меня бы здесь не было!

— Может у тебя жучок в трусах, откуда мне знать? — Данэм отмахнулся от неё, намереваясь свернуть разговор.

— Да нет на мне никаких трусов! — В запале Эйса резко задрала полы рубашки, демонстрируя гладко выбритый лобок и следом резко одёрнула ткань.

Данэм взглянул на неё. Только сейчас до Риверы дошло, что он держался из последних сил. Она увидела себя его глазами: острые ключицы из расстегнутого ворота, темнеющие под тонкой тканью соски, гладкая линия худых бёдер, густые, вьющиеся после душа волосы. Ни капли косметики, ни лоскутка лишней одежды, в которую Эйса прятала нищую девчонку из Синалоа, и Данэм хотел её такой.

Однажды Джо сказал ей, что она из тех чокнутых баб, которым чем хуже, тем лучше. Хожение по краю заводило её, так она чувствовала, что живёт. Жест отчаяния и приступ

глухой ярости жертвы, загнанной в угол — Эйса рванулась к нему, зажмурилась, со злостью укусила губу и властно сунула язык ему в рот. Данэм ответил ей. Он подхватил её под бедра и усадил на стол. Звякнула пряжка ремня, и Эйса прервала поцелуй, чтобы поскорее расправиться с пуговицами.

Она ахнула, потому что не была готова — проникновение вышло грубым и болезненным, именно таким, каким нужно, чтобы понять, что она всё ещё что-то чувствует. Данэм пытался найти губами её рот, но Ривера остервенело отворачивала лицо, словно не хотела замараться. Он не стал ей симпатичен — Эйса ни на секунду не забывала, кто он такой и что сделал, а тот опромечивый поцелуй был лишь сигналом к началу основного действия. Ей не нужны были нежности, Эйсе нужен был самый примитивный половой акт, чтобы встряхнуться.

— Эй, я тебе не вибратор. В этот раз всё будет по-моему.

Эйса пыталась представить на его месте кого-нибудь другого — от мысли, что она спит с ублюдком, отправившим их команду на тот свет, её начинало мутить, и, казалось, Данэм слышал её мысли. Захватив пригоршню её волос, он заставил Эйсу задрать подбородок и открыть рот. В этот раз всё действительно будет по его — Ривера увидела это по его глазам. Данэм хотел подчинить её, укротить её горячий нрав самым примитивным способом и не позволить ей ни на секунду отвлечься от мысли, что сейчас с ней именно он, проклятый Оливер Данэм.

Становилось жарко, словно алкоголь, без толку плескавшийся на дне желудка, наконец растворился в крови. От его властных поцелуев внутри разгорался огонь, Ривере казалось, что она сходит с ума — она стала ведомой, и это непривычное ощущение заводило её ещё сильнее. Эйса слышала, как несколько вырванных пуговиц покатались по полу с тихим шорохом. Ткань треснула по швам, когда Данэм вывернул её тело из рубашки и бросил грудью на широкую кровать.

Он трахал сзади, заставляя шире раздвигать ноги и прогибаться в спине. Эйса безуспешно пыталась отстраниться и скинуть темп, чтобы продлить удовольствие — близкий оргазм сводил мышцы струной, заставлял давиться собственным криком и затхлой вонью старой подушки.

Едва ли прошло пять минут, когда тело пробила крупная дрожь, Эйса непроизвольно сжала мышцы, ощутив острее твёрдость члена внутри себя. Данэм не выдержал — она слышала, как сбилось его дыхание, как сквозь стиснутые зубы прорвался протяжный стон. Он резко вышел из неё и кончил ей на спину. Эйса почувствовала, как сперма стягивает кожу, и поспешила развернуться, наплевав на то, что запачкает простынь под собой.

Ривера могла бы поклясться, что они оба смотрят в потолок одинаково тупыми взглядами. Данэм лежал рядом, только протяни руку, но не нарушал её личного пространства. Стандартный набор нежностей им не подходил, он словно понимал это не хуже её.

Все чувства обнажились, острое удовольствие вырвало её из прострации и отрезвило. Её преследовало странное ощущение, казалось, что она его чувствует, как тогда, когда они бежали из квартиры Лупе, словно хорошо спаянная команда. Они были на одной волне, и этот раз не был похож на тот первый — сейчас они были самими собой. Данэм честен с ней, Эйса чувствовала и это.

— Что у вас с Вельховеном? — Разум медленно возвращался в стабильный режим, и Ривера первой нарушила тишину. — Он не просто твой сослуживец, так? Там, на фотках

больно довольные у вас рожи были, и этот папаша его...

— Подполковник Вельховен, — он строго поправил её, словно она обязана была это знать.

Ей не нужно было поворачивать головы, чтобы ощутить на себе его осуждающий взгляд. Она не проявила уважения, говоря об отставном подполковнике армии США. Эйса закатила глаза. Для армейских дуболомов такое пренебрежение смерти подобно, будто все вокруг обязаны разбираться в количестве звёзд на погонах.

— Ах, ну конечно, подполковник Вельховен, — она вложила в эти слова столько яда, чтобы Данэм понял, ей плевать на его замечание, — ты с ним чуть ли не в десны целовался. Поведай мне свою печальную историю. Мою-то ты досконально изучил.

— Я познакомился с ним, когда мы с семьёй в Штаты переехали.

Эйса не ожидала, что Данэм воспримет её слова всерьёз. Она взглянула на него, Данэм говорил, водя пустым взглядом по потолку, сплошь в рыжих разводах от постоянно текущих труб. За тонкой стенкой кто-то скандалил, на улице слышались вскрики на два голоса — проезжий водила трахал местную шлюху прямо на парковке, решив сэкономить на комнате, а хозяйская псина исходилась лаем. В этом сонмище чужих звуков ровный голос Данэма казался ей своим. Она успела привыкнуть к его присутствию, как синалойцы привыкли к трупам на улицах — от безысходности; равнодушно закрыв глаза, они шли мимо, продолжая заниматься своей жизнью. Эйса устала бояться. Данэм стал частью пейзажа её жизни в мрачных тонах, и она уже ничего не могла сделать с этим.

— Он за мной в армию пошёл, потом в Афганистан. Ему это далось сложнее, чем мне. Я подогнал ему работу у босса после увольнения.

— А он тебя подставил?

— Выходит так.

— И чем ты его так выбесил? — Эйса приподнялась на локте, всматриваясь в его лицо. Оно выглядело безмятежным и в то же время потерянным, казалось он обнажил для неё часть души, скинув привычную маску нахального превосходства.

— Не знаю, но выясню.

— А ваш босс? Человек, кто он такой? — она задала этот вопрос так легко, словно спросила время, надеясь, что секс и то призрачное доверие, которое она так старательно выстраивала своими участливыми вопросами, развяжет ему язык. Она хотела знать всё. Всё, от чего так или иначе зависела её жизнь.

— Он тот, кто обеспечивает ваш бизнес в Штатах.

— И всё?

— Тебе имя и номер страховки назвать? — он повернулся к ней, и в его глазах вспыхнул знакомый огонь азарта. Всё вернулось на круги своя, Данэм захлопнулся в своей броне, возвращаясь к увлекательной игре с её нервами.

Он потянул руку к её лицу, но Ривера отвернулась от него и села на край постели, потянувшись за сигаретами.

— У Вельховена с башкой нелады, но он хорошо подготовлен, — в его голосе слышалось предупреждение.

— Это что, забота? — Эйса удивлённо взглянула на него через плечо. — Я же с ним вроде как в сговоре, нет?

— Я в это не верю, — Данэм сказал это и осёкся, словно ляпнул, не подумав, то что было на уме, — но боссу нужно подтверждение.

Эйса не ответила. Она молча раскладывала информацию по полочкам, машинально водя пальцами по рёбрам картонной пачки. Пока не найдут Вельховена, она ничего никому не докажет. Теперь Ривера была заинтересована в его поисках не меньше Данэма. Но что будет после?

Эйса не успела донести сигарету до рта, Данэм вырвал её, сломал надвое и бросил на пол. Она молча потянулась за второй, и Данэм забрал у неё всю пачку.

— Если тебе надо чем-то занять рот, я могу помочь.

Эйса разозлилась, развернувшись к нему на пол корпуса — она увидела, как он подбрасывает пачку в воздух словно кость перед голодной хищницей.

— Я не буду у тебя отсасывать, даже не надейся, — она протянула ему раскрытую ладонь. — Дай мне сигареты.

— Я мог бы и заставить.

Она бы сделала это по своей воле и получила бы кайф от процесса, настолько он был хорош, но не стала бы из принципа. И без того ему слишком здорово живётся.

Его тело было едва укрыто сбитым комом одеяла: длинные, атлетичные ноги, бледные полосы шрамов, широкие ладони с сетью выступивших под кожей вен. Эйса невольно любовалась им, а от бесед, которые вертелись вокруг его члена, возбуждение нарастало новой волной, отдаваясь тянущим чувством внизу живота. В нём было идеально всё, кроме того, что находилось под сводами черепа. Ривера хотела курить, и его она хотела тоже — ублюдка, который убил её людей. Эйса не знала, что способна настолько низко пасть в собственных глазах.

— Хочешь до конца жизни ссать через трубку? Рискни.

— С тобой опасно иметь дело. Нет зубов, нет проблем.

Эту ядовитую улыбку хотелось стереть с его лица. Эйса чувствовала, как в комнате густеет воздух, как его влажный взгляд скользил по её обнажённому телу, не переставая удивляться, насколько схожи их чувства.

— Дай мне сигареты, Данэм. Ты же сам их принёс, — она нетерпеливо стукнула кулаком по кровати, Данэм мелким броском отправил пачку в мусорное ведро, стоящее в дальнем углу комнаты.

— Я передумал.

— Не пьёшь, не куришь, ты ханжа или зожник? — Эйса проводила пачку злым, голодным взглядом. Желание снова заняться с ним сексом трансформировалось в желание надавать ему по роже.

— Не люблю терять концентрацию.

— Ты не умеешь расслабляться. Потому трахаешься будто марафон бежишь — быстрее, выше, сильнее.

Ему доставляло изощренное удовольствие проверять её на прочность, Эйса понимала это, но уже не могла остановиться, словно переняла у него его же привычку.

— По-моему, ты не жаловалась.

— Сойдёт, — она солгала, чтобы принизить его раздувшееся эго. Ривера не могла вспомнить, когда в последний раз ей было настолько хорошо.

— Ответ «сойдёт» меня не устраивает.

Данэм дёрнул её за руку, вынуждая заваливаться на кровать безвольным мешком. Борьба длилась недолго, Эйса успела почесать кулак об его довольное лицо, но спустя жалкие секунды снова оказалась под ним.

Эйса чертовски устала, она чувствовала себя пустой, как сдувшийся воздушный шар — отсутствие сна и нервы измотали её. Тело устало реагировать, Ривера казалась себе распластанной по постели надувной куклой — у неё не было сил двигаться, только стонать, тычась лбом Данэму в плечо. Ей не хотелось засыпать рядом с ним, но измученный организм взял своё — она вырубилась, когда, наконец, свела колени вместе.

Едва на горизонте забрезжил рассвет, её разбудил строгий голос Данэма.

— Он ещё в Неваде. Эйса, нам пора ехать.

14. Война номер один

Когда Эйса решилась войти в гараж, где Данэм допрашивал Натана Вельховена, на нём уже не было живого места.

Хорошо подготовлен. Замечание Данэма показалось ей шуткой — когда они нашли его, Вельховен был мертвецки пьян. Он спал в луже помоев лицом вниз, Данэм перетряхнул девицу, которая пыталась бежать, набив лифчик деньгами, а после долго приводил его в себя, окуная башкой в ванную с ледяной водой. Эйсу он выставил за дверь.

Вельховен оказался настолько отбитым, что спланировав свою аферу, не смог достойно её завершить. Будучи в здравом уме, он заехал к отцу, оставив ему двести тысяч на жизнь, а после бурная ночная жизнь Лас-Вегаса захватила его с головой. Напрасно он избавился от Лупе, наверняка план был её, она умела считать деньги, ни один цент бы не пропал даром. Простая человеческая тупость стоила четырёх жизней и её, пятую, теперь прочно держала за горло. Развязка была ближе некуда, и Эйса просто не могла оставаться за бортом.

— Я сказал тебе ждать снаружи, — рывкнул Данэм, едва почуяв её присутствие. Он стоял к ней спиной, и белый кусок тряпки, бывший когда-то рубашкой, натянулась на широких плечах. Разводы грязи и крови, бордовые отпечатки чужих ладоней и голос, полный звенящего холода — он выполнял свою работу без тени жалости, несмотря на то, что перед ним был его друг.

— Он убил мою сестру, — она произнесла это, как секретный код, открывающий для неё любые двери. Ривера считала, что эта сопричастность давала ей право присутствовать и быть в курсе допроса, ей было плевать, что Данэм думает иначе.

— Хочешь внести свою лепту? Валяй, — Данэм протянул ей нож. На его руках были медицинские перчатки сплошь в засохших шлепках крови.

— Я не занимаюсь грязной работой, — Ривера не сумела скрыть отвращения, оно читалось на её лице.

— Белоручка, — окатил её злым взглядом и плюнул себе под ноги. Пусть думает, что у неё кишка тонка. Пусть думает, что хочет, ей было начхать. Данэм отлично справится сам, Эйса не желала мараться в крови. Она не знала, сколько выпущенных ею за всю жизнь пуль оказались смертельными, но это было слишком даже для неё.

— Эй, а ты классная. Эйса, да? Люблю мексиканочек.

Вельховен смотрел на неё сквозь щели заплывших глаз, он тянул разбитые губы в ухмылке и кривился от боли. Данэм своё дело знал, приказ устроить предателю медленную смерть он выполнял со всем усердием. У Вельховена отсутствовали часть зубов и пальцы, но он держался, умудряясь складывать слова в предложения, не смотря на зверскую боль.

— Лупе ты тоже любил, урод? — Эйса сделала шаг к нему, но наступать на слой полиэтилена, который Данэм расстелил под ним, чтобы не наследить, она не стала. Она не хотела посадить ни капли чужого ДНК на свою одежду.

— Лупе хорошая. Только вот любила трендеть языком. Она говорила о тебе. Сказала, ты место в картеле заработала ртом и жопой.

Эйса ничего не ответила. От Лупе стоило этого ожидать, она сдыхала от зависти к её банковскому счёту, а на то, что думает о ней Вельховен, ей было всё равно. Ему оставались считанные часы.

— Никто не знает, что с тобой делать.

Она отвернулась, не ожидая, что Вельховен сможет заговорить снова, но он продолжил упрямо бросать ей в спину свой едва ли не шекспировский монолог. Эйса внутренне напряглась — он озвучивал её страхи и сомнения, словно влез ей в голову.

— Для Франко твоя жизнь уже ничего не значит, он продал вас, а босс вряд ли оставит тебя живой после всех ваших грешков. Ты зависла, красотка. Как и я.

Он был чертовски прав. Ривера словно барахталась посреди горного потока, не умея плавать. Она поднимала голову, чтобы плотнуть воздуха, только из-за того, что Данэм вовремя подавал ей руку, а после бросал назад. Он делал это не потому что она хороша в постели, Данэм преследовал свои цели, точно так же, как и она. Ривера была лишь дополнением к его монотонным рабочим будням, как бы хреново это не звучало, и Эйса вдруг поняла, что никогда не обольщалась на его счёт. Он хладнокровно калечил своего когда-то лучшего друга. Ради неё он не сделает ничего.

— Джо рассказал Лупе о ваших планах, а Лупе рассказала мне. Я подумал, это мой шанс. Ты зря меня винишь. Его вини, — он перевёл взгляд на своего бывшего друга. — Даже если бы вы забрали бабки, вы бы не добрались до границы. Без вариантов, красавица. А знаешь, почему? Потому что *он*, — Вельховен кивнул в сторону Данэма, — Он — пёс. И когда ему скажут фас, он тебя на запчасти разберет. Оливер, сука, такой исполнительный, всегда пример для подражания, а Человек, он...

— Хорош, — Данэм возник между ними и одним ударом отправил Вельховена в глубокий нокаут. — Напизделся, как в последний раз.

Эйса была почти уверена, ещё пара секунд, и он раскрыл бы ей личность их босса, будто перед смертью хотел исповедаться, а Эйса всего лишь удачно попала под руку.

— Ты убедился, что я не в сговоре? — Данэм не ответил, он был сосредоточен на уничтожении улики. Эйса приняла его молчание за знак согласия. — Так что насчёт меня?

Данэм взглянул на неё. Перед ней был другой человек, от него вчерашнего не осталось следа. Такой Данэм убил бы её без тени сомнения, несмотря на ту неуловимую связь которая установилась между ними вчера.

— Не знаю. Приказа ещё не было, — он смерил её равнодушным взглядом с головы до ног, а следом скинул тело Вельховена со стула и принялся аккуратно упаковывать в полиэтилен. Если удар Данэма не убил его, то недостаток кислорода сделает это за него.

— А с этим что? — она кивнула на Вельховена.

— Вывезу и избавлюсь. Вчистую.

— И куда?

— Есть одно место. Увидишь.

Эйса не планировала посещать эту экскурсию. Она чуяла, что не выйдет оттуда — Данэм ждал лишь отмашки босса. Она ему никто, с ней он сделает то же самое, как только получит приказ. Если Данэм ничего не решает, она выйдет на того кто может решать, и пусть это будет последним что она сделает в жизни.

Эйса заставляла себя думать, но мозг в состоянии стресса выдавал лишь несвязные обрывки самых нелепых идей, ей нечего поставить на кон, кроме, пожалуй, внутренней информации о картеле. Эйса знала мало, но Джо... Джо знал неизмеримо больше.

Она едва не вскрикнула — цепь замкнулась и пришло озарение. Ей нужно было вернуться в квартиру, где они собирались вместе в последний раз и обшарить там каждый угол. Это был один шанс на миллион, но Эйса вцепилась в него мёртвой хваткой.

Она увидела ключи от машины и телефон Данэма на верстаке — он оставил их

подалее от места допроса, чтобы не запачкать кровью. Эйса двигалась в нужную сторону черепашным шагом, усиленно притворяясь, что ищет следы крови. Торопиться не было смысла, она проиграет ему в скорости, но не в хитрости. На этой войне хороши любые средства.

— Вот дерьмо. Опять, — Ривера оперлась на столешницу обеими руками, притворившись, что ей плохо, а после ювелирно смела со стола брелок и мобильник.

— Лучше бы ты в больницу обратилась вместо того, чтобы тащиться в Вегас в этом своём блядском платье.

Она услышала, как переменялся его тон, Данэм словно жалел, что она попала в эту передрагу. Эйса решила, что ей показалось.

— Мне надо на воздух.

Она шла к двери, изображая сутулую, болезненную походку и осаживала себя, чтобы не сорваться на бег. Эйса ощущала, что Данэм смотрел ей в след, и по спине полз холодный пот от одной лишь мысли, что он мог почуять подвох. Ривера боялась, что её игра в имитацию покажется ему фальшивой.

Как только за ней закрылась дверь, Эйса рванула к машине. От страха зудела каждая мышца, а кислород пробивался к лёгким толчками — адреналин гонял кровь, словно кипяток, заставляя организм работать на пределе возможностей. У Данэма оказался неубиваемый телефон, она не смогла ни разбить его, ни вскрыть, потратив на эти попытки драгоценные секунды. Ривера замахнулась и бросила аппарат в поросль за дорогой. В этой глуши, без связи и с балластом в виде полуживого Вельховена ему понадобится время, чтобы найти транспорт, телефон и сообщить об угоне своим людям. Этого времени ей хватит, чтобы удрать.

Она вдавила газ в пол и вывернула с обочины на дорогу. Машина заюлила покрывками по асфальту, Эйса едва успела поймать её и увести от неуправляемого заноса. Авто было бешеным, под стать своему хозяину — Ривера никогда не управляла такой мощью. Она разогналась до ста миль за считанные секунды, и в зеркале заднего вида Эйса рассмотрела лишь пыльную ленту шоссе. Унылые частный сектор, складской комплекс и гаражи вместе с Данэмом остались далеко позади. Она ехала обратно в Вегас.

15. Semper Fidelis

Когда-то давно Эйса думала, что любит Джо; с тех пор сердце обросло сталью цинизма. Ривера просто брала своё, будь то секс или деньги, не размениваясь на пустые привязанности. С Данэмом всё оказалось сложнее. Любое его слово или жест вызывали в ней бурю эмоций: от бесконтрольной ярости до желания трахнуть его в душу, если бы это было возможно. Она чувствовала его, они были на одной волне, и Данэм ощущал то же самое, Эйса была уверена в этом. И ещё она знала: он не остановится ни перед чем, чтобы достать её, и пусть её уязвленное самолюбие требовало чуда. Сопливых мелодрам не бывает в реальной жизни, они не уйдут в закат, взявшись за руки, видит Бог, она думала и об этом, пока неслась навстречу мерцающим огням игорного центра, к той малоэтажке из красного кирпича, в которой распалась её команда.

Лифт был бесповоротно сломан, Эйса неслась по лестнице, преодолевая одышку, пока не ткнулась лбом в закрытую дверь. Ривера не была уверена, что здесь вообще остались жильцы: на лестничной клетке было настолько глухо, что она не побоялась здорово пошуметь. Она била ногами дверное полотно, пока оно не начало поддаваться. Слабый замок сломался, она влетела в засранный лофт со скоростью бури, но тут же остановилась, словно с налёту ткнулась в стену. Запах разложения висел в квартире густым туманом. В доме отключили электричество, и содержимое холодильника начало неумолимо тухнуть. Лужа крови под ним превратилась в мазутное пятно, Эйсе показалось, что оно едва заметно дрожит, словно в ней успели завестись черви.

— Твою мать.

Её стошнило. Она кашляла, и гнилой смрад забивался в лёгкие глубже, вызывая всё новые и новые позывы рвоты. Ривера натянула тонкую ткань воротника на лицо и шагнула в гостиную. Борясь с отвращением, она ползала на коленках, осматривая каждую щель в паркете, пока, наконец, не увидела блеск золотой цепочки: когда Джо бросил крест ей в лицо, он упал на пол и свалился в одну из таких дыр толщиной в палец. Эйса сжала его в кулаке, подавляя желание закричать от радости. Джо не догадался найти свою вещь, прежде чем бежать, он не стал вынимать из крошечного слота карту памяти, где хранились адреса, имена и номера счетов — часть данных о наркотрафике Франко по территории Мексики и США. Вся доступную им информацию Шокер хранил в голове, но Джо настоял на том чтобы перенести данные на цифру, и был прав. Он хотел обезопасить себя и перестраховаться на случай, если мозги Гонсалеса вдруг перестанут работать. Эйса воздала ему должное: иной раз в его голову приходили весьма умные мысли. Когда Ривера поняла, что картель предал её, имя Франко перестало быть для неё непреложным законом. Оно стало предметом торга.

Время гнало её вперёд. Эйса не стала делать копии, молясь всем богам о том, чтобы Человек соблюдал кодекс сделки. Согласно ему, он обязан был выслушать её условия, даже если после примет решение пустить ей пулю в лоб.

— Мне нужен Человек!

Она влетела в фойе «Таити», чудом прорвавшись через охрану. Вид маленькой мексиканки, прущей на таран, явно сбил их с толку.

— Мне нужно поговорить с Человеком, — она ткнулась в грудь огромного чёрного парня в костюме с бейджем начальника охраны, и он, похоже, был единственным, кто понял,

о ком она говорит. Остальные информацией просто не владели.

— Я не понимаю, о чём вы, мэм, — он хладнокровно повел Эйсу к выходу, смотря куда-то по верхам, лишь бы не ей в глаза.

— Всё ты, блять, понимаешь. У меня важная инфа. И если ты мне помешаешь, я скажу Данэму. Он тебя на ремни порежет, — Эйса шла ва-банк, и во взгляде парня мелькнул испуг. Имя Данэма подействовало безотказно, однако секьюрити быстро взял себя в руки.

— Я не понимаю, о чём вы, мэм. Мы закрыты, покиньте помещение.

Охранник продолжал волочь её к выходу под напуганные взгляды горничных. Ривера, извернувшись, вынула из кармана карту и ткнула ему в лицо.

— Передай ему это. И если Человек со мной не встретится, скажи ему, что он музозвон сраный.

Эйса не знала, как с этим обстоят дела в США, но в Мексике честь была дороже жизни: боссы заботились о своей репутации, ведь никто не стал бы иметь дело с человеком, нарушающим условия сделки. По местным законам её обязаны были выслушать, у неё было право переговоров. Она надеялась, что здесь эти негласные законы работают также безукоризненно.

Секьюрити ослабил хватку и флешку всё же принял. Эйса уселась на диван в фойе, с невозмутимым видом положила ногу на ногу и стала осматривать остатки маникюра, тогда как в груди, под толстым слоем брони полыхал огонь. Страх и нетерпение владели ей: она сделала всё, что могла, оставалось лишь ждать, и это ожидание выводило её из себя.

Когда она увидела Данэма, ей захотелось немедленно выйти в окно. Казалось, он убьёт её на месте. Он шёл по коридору прямо к ней, его взгляд, сжатые в кулаки руки, злой, размашистый шаг не предвещали ничего хорошего. Эйса поняла, что теряет надежду.

— Зря ты это сделала.

Он прорычал ей прямо в ухо, дёрнул её с дивана и потащил к выходу. Внешне Данэм был спокоен, как скала, но то как больно он сжимал её руку, как грубо толкал плечом в нужном направлении, говорило о том, что он взбешён. Эйса оставила его без вещей: его рубашка была влажной, с наспех застиранными разводами крови, а на улице, рядом с «БМВ», которую Эйса в спешке поставила криво сразу на два места, стоял жёлтый минивэн, наверняка, угнанный.

Данэм усадил её на переднее сиденье седана и пристегнул наручниками к двери. В боковом зеркале она видела, как он перегрузил из чужого багажника в свой плотно свёрнутый полиэтиленовый кокон, а после сел за руль. Он не сказал ей ни слова, и Эйсе слова были не нужны — она чувствовала, что Данэм везёт её на убой.

Эйса не знала, сколько прошло времени и сколько они отмотали миль. Близилась ночь, горизонт перед ними окрасился в кровавые цвета, машин на трассе становилось меньше — они въехали в промышленную часть города. Данэм остановился у большого одноэтажного здания, и не глуша двигатель, вышел и открыл ворота. Задним ходом они въехали в тёмный, узкий проезд, и Эйса ощутила тошнотворный запах, как только Данэм выволок её из машины. Это не было похоже на трупный смрад, но вонь была настолько невыносима, что резала глаза.

Данэм включил свет, и Ривера поняла, где находится. За низкими решетчатыми перегородками толпились белесые, вымазанные в грязи туши. Распихивая друг друга, они совали носы между прутьев, с жадностью пробуя запах вновь прибывших людей. Это был свинарник, в вольерах были заперты сотни голодных животных. Идеальное место, чтобы

скрыть следы — скотобойня и мясной цех были пропитана кровью, сам чёрт не разберет, чья она. Данэм молча усадил её на железный стул и пристегнул наручниками к спинке.

Эйсе казалось, что она сходит с ума: она наблюдала за Данэмом, не в силах отвести взгляд, а ком тошноты в горле сменился на пустые рвотные спазмы, то и дело пронзавшие организм. Он взял топор и ножовку, освободил тело Вельховена от плёнки и оттащил подальше к клеткам.

Эйса невольно вздрагивала от каждого удара топора. Данэм хладнокровно разбирал тело Натана Вельховена на части, а куски плоти бросал прямо в вольеры. Свины с визгом бросались на еду, сшибали друг друга жирными боками в борьбе за каждый кусок, ломились через барьер и вставали на задние лапы. Истинно всеядные животные: останки трупы пропадали в их желудках, чтобы выйти вместе с дерьмом на дно клетки полностью переработанными.

— Снимай одежду.

Голос Данэма вывел её из прострации. Он отстегнул наручники, рывком стащил её со стула и отбросил его в угол одним ударом ноги. Он явно нервничал, а Эйсе становилось хуже с каждой секундой — среди вонючих испражнений животных она чувствовала запах смерти.

— Зачем?

— Я не хочу лишней возни.

Он не хотел тратить время и стаскивать одежду с трупа. У неё задрожали губы, от отчаяния Эйса едва не рассмеялась.

— Быстрее.

Он стоял ровно напротив неё, в перчатках для разделки мяса, вымазанных в крови по самый локоть, взгляд его был усталым и рассеянным.

— Ты ведь не хочешь этого делать, Данэм? — она сняла обувь и встала босиком в вонючую холодную жижу.

Её голос звенел от страха и омерзения, а глаза наполнялись слезами. Эйса всегда думала, что встретит смерть достойно, но сейчас ей хотелось плакать и умолять.

— Какая разница чего *я* хочу или не хочу?

В этот раз, с ней, Данэм не получит удовлетворения от чисто сделанной работы: она видела это по его глазам, слышала по тону его речи, и от осознания этого становилось ещё хуже.

— Слушай, Оливер, давай я сейчас просто уеду.

Ривера расстегивала пуговицы рубашки дрожащими пальцами, нарочно затягивая процесс. Она впервые назвала его по имени, и звук её голоса ненадолго вернул ему концентрацию. Данэм смотрел на неё и, казалось, внимательно слушал.

— Я никогда о тебе не вспомню, клянусь, — она аккуратно повесила рубашку на столбик загона, будто собиралась надеть её снова, и принялась за молнию шорт. — Всё ведь от тебя зависит. Ты ведь можешь всё изменить.

Эйса не верила в то, что говорит. Она готова была нести всё подряд: от признаний в любви до проклятий на его голову, лишь бы проняло. Всё тело пронзала дрожь, ей было холодно, она стояла в одном белье посреди тонкой, продуваемой сквозняком кишки прохода между клетками, в которых колыхалась серая масса свиней. Их голодное верещание наводило ужас, и Эйса поняла, что плачет, наконец, плачет впервые за долгие годы.

— Я ничего не могу изменить. — В его голосе было столько горечи, что Ривера невольно вздрогнула. — Кто угодно, только не я.

Он не хотел этого, он не хотел лишать жизни Эйсу Ривера, красивую девчонку из Синалоа, попавшую в эту мясорубку по воле слепого случая, но он сделает это несмотря ни на что. Вельховен был чертовски прав насчёт него. Безупречный пёс своего хозяина. Она отчего-то вспомнила его татуировку — всегда, сука, верен. Но не ей.

Данэм снял перчатки и взялся за пистолет. Быстрая смерть — единственное, что он мог ей предложить. Когда он прицелился, Эйса закрыла глаза и зашептала молитву Пресвятой Деве Марии, которую бабуля каждый вечер читала над её головой.

Пронзительная трель телефонного звонка показалась ей громче выстрела.

— Ещё нет, — Данэм ответил. Звонивший явно интересовался, успел ли отправить девчонку из картеля Франко на тот свет. — Это тебя.

Эйса открыла глаза и увидела Данэма на расстоянии вытянутой руки; он прислонял телефонную трубку к её уху.

— Мисс Ривера, мне передали, что вы искали меня, — она никогда прежде не слышала этот голос, но была уверена, что знает, чей он. Данные о картеле Франко сгодились, иной причины для очередной отсрочки она не видела. — Я не мудозвон, — Человек рассмеялся, будто её дерзкие слова позабавили его.

— Я буду ждать вас в «Таити». Оливер отвезёт вас.

Эйса не произнесла в ответ ни звука. Ей показалось, что она снова перестала чувствовать. Словно робот, она надела рубашку, взялась за шорты и протянутую для помощи руку Данэма проигнорировала. Вымазанные в дерьме ступни она без тени отвращения сунула в балетки. Ей было всё равно.

Всю дорогу Данэм не пытался с ней заговорить, лишь после, передавая её в руки чернокожему начальнику охраны, он сказал ей:

— У меня был приказ. Мне очень жаль.

Он сел в машину и стремительно покинул территорию отеля. Эйса проводила взглядом его серебристый седан, пока тот не скрылся за поворотом, и вошла в фойе «Таити» следом за охранником.

Примечание.

**Semper Fidelis* (лат.) — «Всегда верен». Девиз Корпуса Морской пехоты США.

16. Человек

Её вели узкими коридорами в служебное крыло отеля, и за широкой спиной начальника охраны она не видела конца пути. Она оглядывалась по сторонам, на автомате отмечая детали обстановки. Отвлекаясь, Эйса приводила взвинченные до предела нервы в относительную норму.

Кабинет начальника технического отдела, кабинет финансового директора, отдел бронирования — череда массивных дверей и золочёных табличек с именами, установленных на едином расстоянии друг от друга создавали ощущение идеального порядка. Эйса ощущала себя куском грязи в этом раю для перфекционистов. «Оливер Данэм, начальник службы безопасности» — Ривера прошла мимо очередной двери. Видимо, это и было его прикрытие в миру.

Когда она оказалась перед широкими распашными дверьми, охранник пропустил её вперёд. Эйса не стала стучать, просто дернув вниз кованую ручку.

Он стоял возле тяжёлой бархатной шторы и смотрел в окно. Когда Ривера вошла и закрыла за собой дверь, он взглянул на неё. У него были седые виски, шрам на щеке и бесцветные глаза. Простой мужчина с военной выправкой и в камуфляжной куртке — Эйса приняла бы его за офицера в чине не ниже полковника, но никак не за того, кем он являлся на самом деле. Он не был похож на главу преступного синдиката, он был похож на того, кто с преступностью борется.

Человек. Тот, кто контролировал весь наркотрафик Штатов, фигура, сумевшая прогнуть непрогибаемого Франко, как до этого Хосе Обрегона, и она — рядовая единица мексиканского картеля — добилась аудиенции с ним. Эйса чувствовала, словно находится на приёме у Папы Римского или Елизаветы II, масштаб этой личности был для неё не меньшим.

— Ты первая, кто искал со мной встречи. Обычно происходит с точностью до наоборот.

Он прошёл мимо неё, скрестив за спиной руки, и, казалось, даже не поморщился от того мерзкого амбре, который наверняка исходил от неё. Человек с любопытством оглядел её с ног до головы, Эйса не издала ни звука, подчиняясь негласным правилам этикета. Она ждала, когда ей дадут слово.

Человек сел за стол, вынул из ящика карту памяти и положил её перед собой.

— Что ты хочешь за это?

— Чтобы меня оставили в покое, — Эйса старалась придать голосу уверенности. Она не собиралась стенать и целовать ему ботинки, как поступил бы на её месте любой другой, она хотела сохранить достоинство и не продешевить. — Ещё американское гражданство и тысяча триста на первое время.

Человек рассмеялся, но в его голосе не было злобы. Риверу охватило чувство дежавю — он смотрел на неё с интересом исследователя. Так когда-то смотрел и Данэм.

— Дом в Майами и богатого мужа тебе не нужно?

— Это я сама себе устрою.

Под пристальным взглядом его холодных, прозрачных глаз, слишком светлых, будто вылинявших, у неё против воли сутулилась спина. Эйса одергивала себя, чтобы не свернуться в клубок, защищаясь. Казалось, Человек сдирает её броню слой за слоем, стремясь добраться до самых уязвимых мест.

— Отлично, — он хлопнул по столу и поднялся. Эйса вздрогнула, словно этот резкий звук вывел её из-под гипноза.

— Понадобится пару дней, чтобы выправить тебе документы. Можешь занять любой номер, который понравится.

Человек жестом указал ей на дверь. Ривера по инерции сделала несколько шагов, но остановилась. Она не могла перешагнуть порог, что-то не пускало её.

— Это всё? Вот так просто?! — она развернулась и взглянула ему в глаза.

Эйса чувствовала, здесь что-то не так, она не могла отделаться так легко. Человек не задал ей ни одного вопроса по существу, не попытался сбить цену, не стал грозить ей смертью — ничего из того, что она воображала себе, пока Данэм вёз её в «Таити» в гробовой тишине. Она искала с ним встречи, чтобы раз и навсегда поставить точку в этой гонке за жизнь, и это поганое ощущение недосказанности не давало ей сделать ни шагу.

— Мне нравится, что ты задаёшь вопросы, — Ривера поняла, что попала в точку. Это был далеко не конец.

Человек снова сел за стол, достал бутылку виски и жестом пригласил её сесть напротив. Эйса взглянула на свои вымазанные в грязи ноги и на винтажное кресло, отделанное бархатом и шёлком.

— Садись, горничная приберется, — он перехватил направление её взгляда и настоял. Ривера подчинилась.

— Скажи, Эйса. Когда вы вступаете в картель, то соблюдаете определённые ритуалы, верно?

Человек разлил виски по стаканам и двинул один ближе к ней.

— Да, приносим клятву и делаем татуировку.

— И что первое вы говорите, произнося клятву?

— Мы, члены картеля никогда не станем употреблять наркотики.

— Почему?

— Потому что «наркота для поганых гринго, пусть они все передохнут», — она залпом опрокинула в себя стакан и взглянула на него с вызовом. Она процитировала слова клятвы, которую произносила перед Франко уйму лет назад. Врать не имело смысла, да и зачем? Эта неприязнь имела едва ли не исторические корни.

— Отчасти в этом есть разумное зерно, — помолчав, он продолжил. Ривера не понимала, к чему он ведёт, но внимательно вслушивалась в каждое слово. — Ты знаешь, я не люблю людей, которые не умеют пользоваться мозгами. Наркотики — это фильтр, они отсеивают брак. Стране не нужны слабаки, которые не в состоянии побороть зависимость. Я чищу нацию.

— И поэтому я пью вискаръ за штуку баксов?

Он ничего не ответил ей на это.

Она не верила в красивые речи, и альтруизм Человека казался ей излишне пафосным. Ради двадцати пяти миллионов он убил людей, и пусть они тоже были не святыми, они хотя бы были честны с самими собой. Эйса любила деньги за то, что они давали ей ощущение свободы, пусть и с множеством условий. Без свободы жизнь для неё была не жизнь.

— На флешке нет информации, которую я при желании не мог бы найти сам. Но мне нравится твоя упертость.

Он долил виски на два пальца, но Ривера не притронулась к нему. Дело принимало совершенно другой оборот. Эйсе нечего было ему предложить. При таком уровне власти он

мог найти любой другой источник, и не стал бы возиться с требовательной мексиканкой. Человеку не нужна была информация, это был лишь повод. Ему нужно было нечто совсем иное.

— Ты мне нравишься, Эйса. Ты будешь жить, но станешь... как бы понятнее выразиться... — Он почесал затылок, словно подбирал слова, которыми собирался озвучить её окончательный приговор. Ривера обняла себя за плечи. Каждый мускул, каждый нерв натянулся струной, а где-то под ребрами, казалось, лежал кусок камня, который неумолимо тянул её к земле. Эти чёртовы секунды тянулись для неё навечно, пока Человек, наконец, не продолжил, — годовой премией для одного хорошего молодого человека.

— Что? — она не поняла ни черта, но почувствовала, что эти условия станут для неё хуже, чем смерть.

— Оливер хочет тебя, и он тебя получит. Я знаю его лучше, чем он сам себя, поверь старику. Ты должна быть на связи для него круглосуточно, ехать туда, куда он скажет и делать то, что он скажет по первому щелчку. Таковы условия, всё просто.

— Мне это не подходит, — воскликнула Ривера, не до конца осознав услышанное.

— У тебя нет альтернативы, ты сама это понимаешь.

— Теперь я знаю вас в лицо, — он раскрыл ей свою личность, и Ривера попыталась этим воспользоваться. Эйса отлично понимала, что против него она ничто, даже если рискнет раскрыть рот, но разум отчаянно сопротивлялся таким перспективам. Ривера отказывалась принимать то, что с ней происходило.

— Теперь моё лицо для тебя — лицо Господа Бога, на которое ты будешь молиться за то, что до сих пор жива. Торги закончены.

Дружеский тон сменился на приказной, Человек поднялся и указал ей на дверь. По его лицу Эйса поняла, что он больше не ждёт от неё ни вопросов, ни возражений.

Живой товар, вещь, которую передали в безвозмездное пользование. Её жизнь больше не принадлежала ей, и право распоряжаться её свободой отныне перешло Оливеру Данэму в качестве поощрения за добросовестный труд, словно в сраные Штаты снова вернулось рабство.

Это не укладывалось у неё в голове. Хотелось закидаться снотворным и проснуться через сутки с трезвой головой и решить, как жить с этим, или выпить всю пачку и не проснуться вовсе. Столько всего было сделано зря. Лучше бы её закопали тогда. Лучше бы Данэм поставил её в очередь первой. Лучше бы убил прямо в своём номере и не заводил всё так далеко.

Она думала об этом, пока шла по коридору в фойе, ехала в лифте и стояла у двери президентского номера на последнем этаже, в который её посадили, словно в загон. Эйса провела в нём двое суток, используя по максимуму предоставленные ей привилегии. Она гоняла службу, ела как не в себя, много курила, и из номера не высовывалась. Возле её двери ненавязчиво дежурила охрана, вечерами она смотрела кино до тех пор, пока не покраснеют глаза. Не раз и не два она выходила на балкон и смотрела вниз на блестящую гладь бассейна, представляя, как бросится вниз, как её тело красиво рухнет в воду и как праздные отдыхающие с визгом разбегутся во все стороны, словно потревоженные мухи на дерьме. Она металась из угла в угол, как зверь в клетке, и ненавидела себя за то, что ей не хватает духу сделать это.

— Вам пора, мэм, — дав пятнадцать минут на сборы, охрана вывела её из номера.

На парковке под палящим полуденным солнцем стоял Данэм, оперевшись на капот

своей «BMW». Увидев её, он снял солнечные очки и не сводил с неё глаз, пока она не подошла к нему вплотную. Его усталый взгляд рассеянно блуждал по её лицу, и Эйса не могла понять, что видит в нём. Ни насмешки, ни злорадства, ни того превосходства, за которое хотелось разбить ему рожу на протяжении тех нескольких суток, что они провели бок о бок. За ледяной невозмутимостью, казалось, мелькнула тень сожаления. Данэм смотрел на неё, и на его лице отражалась внутренняя борьба.

Со стороны могло показаться, что Эйса вытянула счастливый билет. Для той бледной медсестрички Данэм был бы подарком судьбы — сильный, красивый, при деньгах и связях, но её преимуществом было неведение. Медсестричка не видела, чем он зарабатывает себе на жизнь, но Эйса не могла выбросить это из головы, и пусть говорят, что она не ушла от него далеко. Для нищей нелегалки Риверы, это был бы шанс начать всё сначала, если бы всё не было так сложно.

Он молча протянул ей кожаный бумажник. В нём были паспорт, права и банковская карта. За эти несколько картонок она заплатила неизмеримо высокую цену.

— Ну, и где мой ошейник? — спросила она, глядя на него с вызовом.

Данэм улыбнулся, она уловила в его улыбке лёгкий оттенок грусти. Он взял её руку и вложил в неё брелок от «BMW».

— Всё равно собирался машину менять.

— Что это значит? — она изумленно смотрела то на него, то на ключи, лежащие в её вытянутой руке.

— Можешь ехать, куда хочешь. До Франко дошли слухи, что Человек разобрался с тобой. Они больше не будут искать тебя, если ты не засветишься. И если ты не передумала, конечно же, — в его голосе послышалась знакомая ирония, и Эйса едва ли не бегом бросилась к водительской двери. Данэму не пришлось просить дважды.

— Сделай кое-что для меня, — оклик Данэма заставил её замереть возле распахнутой двери, она внутренне напряглась, ожидая, что он не преминёт воспользоваться своим положением, и это был всего лишь очередной раунд игры на её нервах.

— Обещай, что обратишься в больницу. Займись своим здоровьем. Следи за собой.

Его решение пошатнуло её систему координат, она не знала, насколько Данэм искренен: отправил ли он её погулять на длинной цепи или он действительно отпустил её, распорядившись своим подарком по личному усмотрению. Что-то подсказывало ей, Данэм не шутит.

Эйса не стала спрашивать, почему он так поступил. Она не хотела знать о нем ничего, чтобы не начать его оправдывать, с бабской наивностью не наделяя его качествами, которых у него не было.

— Adios, Джерси, — избегая смотреть ему в глаза, Ривера завела мотор и вырулила с парковки. Его силуэт растворился в дорожной пыли, и ею овладело странное, тягучее чувство фатальной неизбежности — она ещё увидит его, и Эйса почти смирилась с этим.

Больше книг на сайте - Knigoed.net